

Действующие лица:

АВТОР, Иван Егорович, лет сорока.

РЕЖИССЁР, Александр Борисович, лет под шестьдесят.

СТАСИК, помощник режиссёра, молодой человек.

ГЕНА ПРЯХИН, рабочий авторемзавода, мужчина невысокого роста.

ТАМАРА, его жена, крупная женщина.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, начальник Гены Пряхина.

ПЁТР, ТОЛЯН — приятели Гены Пряхина, рабочие авторемзавода.

ПАРЕНЬ И ДЕВУШКА — молодые актёры.

АЛЕКСЕЙ, СЕРГЕЙ — космонавты.

ГЕНЕРАЛ, руководитель космического полёта.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО, он же ХОЗЯИН, он же ТЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИЦА (похожа на Ответственное Лицо, но только как карикатура на него).

ПОСТОРОННИЙ.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР.

МИЛИЦИОНЕР.

Два САНИТАРА, они же два ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ (разнятся с санитарями только одеждой).

Действие первое

В глубине сцены — макет токарного станка. Над ним — красный транспарант, на котором белой краской: «Пятилетку — в 4 года!» Справа, рядом с макетом станка, — зелёный травянистый бугорок с цветочками. На переднем плане сцены, слева — два кресла; в одном из них сидит РЕЖИССЁР, читая листы с текстами, делая в них пометки карандашом; за спинкой второго кресла стоит АВТОР. Из динамика среди характерных радиошумов звучат отдельные фразы: голос Н. С. Хрущёва: «Наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!..» — затем голос Л. И. Брежнева: «Правильной дорогой идёте, товарищи!»

РЕЖИССЁР (*сокрушённо качая головой*). Мда-а!.. Нет, не то. Не то!.. (*Поворачивается к Автору*.) Скажите, Иван Егорович: чего от нас требует время?.. Жизни! На сцене должна бушевать современная жизнь — а у вас что?..

В это время из динамика раздаётся невнятная речь М. С. Горбачёва: «Хочу, товарищи, со всей силой подчеркнуть: инициатива, живое творчество масс — вот условия для ускорения развития страны и созидания нового строя, вот в чём источник силы социализма...» Речь прерывается шумными аплодисментами.

РЕЖИССЁР (*отрывает глаза от чтения и вслушивается в речь из динамика*). Ну-ка, ну-ка, что там такое?.. Сделайте, пожалуйста, погромче!

Автор уходит за кулисы; речь Горбачёва становится громче: «Я — за то, чтобы перестройка шла в демократических формах, под контролем народа, с участием всех трудящихся. Инициатива и живое творчество масс — вот в чём источник нашей силы. Я думаю, что перемены, проходящие в жизни нашего общества, затронут и культурную жизнь, благотворно скажутся на ней...» При этом Режиссёр устремляет взгляд в пространство и молча слушает, кивая головой. Речь Горбачёва прерывается аплодисментами.

АВТОР (*выходя на сцену*). Так — хорошо, Александр Борисович?

РЕЖИССЁР. Да-да, спасибо, голубчик. Ведь это и для нас директива! Вы поняли? Так что давайте, давайте за работу!

АВТОР. Хорошо, Александр Борисыч, заказ принят. (*Уходит за кулисы.*)

Аплодисменты делаются тише и вовсе смолкают. В это время справа на сцену выходит Автор, ведя за руку ГЕНУ ПРЯХИНА; Гена — в спецовке, кирзовых сапогах и кепке.

АВТОР. Пойдём, пойдём, Гена.

ГЕНА (*упираясь*). Да не хочу я на сцену, товарищ Автор! Неужели никого больше не нашли? Терёхин вон у нас хороший рабочий — возьмите его!

РЕЖИССЁР (*очнувшись от протрации, трясёт листами*). Чёрт знает что такое! Халтура! Настоящая халтура!

АВТОР. Понимаешь, Гена, сцена—это не доска почёта. Мне не то что хороший, а живой человек нужен. Пошли, пошли... Ты ведь тоже, мне сказали, хорошо работаешь?

ГЕНА. Да пью я. Увидят вон зрители—что скажут? Возьмите Терёхина.

АВТОР. Видишь ли, Гена, искусство—это такая вещь...

РЕЖИССЁР. Мда-а... Ну что делать? Совершенно нечего ставить! Тем более что нам новое мышление предлагают...

ГЕНА (*Автору*). А за это заплатят?

АВТОР. Гена, но ты же за сознательного у нас пойдёшь.

ГЕНА. А-а... Ну тогда хоть займите.

АВТОР (*останавливаясь вместе с Геной*). Сколько?

Гена, хитро сощурившись, молчком показывает три пальца.

АВТОР (*вытаскивая из кармана и отдавая «трёшку»*). О чём разговор! Бери!

Гена снимает кепку, прячет деньги в подкладку кепки и надевает её снова.

РЕЖИССЁР (*с негодованием швыряет текст на пол*). Нет, нет и нет! Ну вот нечего ставить в духе времени—они разучились писать для театра! Это же театр, чёрт возьми, это же зрелище! (*Сидит, закинув ногу на ногу, барабанив пальцами по подлокотнику и нетерпеливо поглядывая на часы.*)

АВТОР. В общем, Гена, на сцене нужны теперь живые люди с недостатками—как в жизни. Скажи, а Терёхин—он что, без недостатков?

ГЕНА. Терёхин-то? Хэ! Послушать—так он самый правильный: вон на собраниях как чешет, да? А «Жигуль» начальнику цеха кто бесплатно перебрал? А начальник ему теперь химичит—хоть у кого спросите!.. Да я их вот так всех вижу! (*Показывает растопыренную пятерню.*) Правда, он твёрёзый всегда. Потому что дома пьёт—никогда друзьям не поставит!

АВТОР. Вот видишь! Но вообще нехорошо о товарище злословить.

ГЕНА. Дак вы же сами сказали: можно с недостатками! А у Терёхина их—во, как грязи! (*Чиркает себя пальцем по горлу.*)

АВТОР. Ох, хитё-ёр! (*Грозит пальцем.*) А я всё же тебя выбрал—ты простой, открытый, режешь

правду-матку. Так что пошли, пошли—я тебя сейчас познакомлю с Режиссёром. Только не ершись, ладно?

РЕЖИССЁР (*про себя, увидев Автора с Геной*). Ну наконец-то!.. Опять какого-то совкового Гамлета тащит.

АВТОР (*критически осматривает Гену, одёргивает на нём одежду, подводит к Режиссёру*). Вот, привёл нового героя: Геннадий Семёнович Пряхин.

РЕЖИССЁР (*сидя, оглядывает Гену, небрежно кивает ему*). Интересно!.. Но позвольте—какой же это новый?

АВТОР. Новый в том смысле, что—не придуманный, прямо из жизни.

РЕЖИССЁР. Хм... Ну ладно, посмотрим. (*Гене.*) И что же ты умеешь?

ГЕНА. Всё умею.

РЕЖИССЁР. Ну что «всё»?

ГЕНА. Любую деталь выточить. Двигатель перебрать, коробку передач. Сварку, пайку, покраску.

АВТОР. Он на авторемзаводе работает.

ГЕНА. Вот если у вас, скажем, машина вдрабадан—сделаю лучше новой. Не бесплатно, конечно,—мне ж тоже надо расплатиться кое с кем.

РЕЖИССЁР. Хорошо, буду иметь в виду.

АВТОР. В общем, на все руки.

РЕЖИССЁР. Хм. Ну что ж, можно попробовать. Даже кстати—у нас с производственной темой слабовато, а управление культуры требует.

ГЕНА (*полушёпотом, боязливо озираясь*). Могу самогонный аппарат сделать по дешёвке. Из авторадиятора—во получается! (*Показывает большой палец.*)

РЕЖИССЁР (*брезгливо*). Нет-нет, не надо! Вы что, пьёте?

ГЕНА. Да не так чтобы...

РЕЖИССЁР (*Автору*). Э-э, знаете, алкогольная тема нынче...

АВТОР. Но ведь перестройка же—нет запретных тем!

РЕЖИССЁР. Голубчик мой, вы наивный человек! Партия пока ещё никуда не делась, так что—нет-нет-нет, нужна чисто производственная тема.

АВТОР. Но он, мне кажется, потянет. Сможешь, Гена? Мы же с тобой говорили!

ГЕНА (*мнётся, пожимает плечами*). Н-ну... если заплатите!

РЕЖИССЁР *(в сторону)*. Да-а, на Гамлета, даже на совкового, не тянет.

ТАМАРА *(входит с хозяйственной сумкой в руке, останавливается поодаль)*. Ген, а Ген! Чегой-то скажу!

ГЕНА. Извините. *(Подходит к Тамаре.)* Чего тебе?

РЕЖИССЁР *(про себя)*. А вот и Офелия.

АВТОР. Что вы сказали?

РЕЖИССЁР. Так, ремарка в сторону. Идёте прото- рёнными путями.

АВТОР. Нет! Почему же?

РЕЖИССЁР. Ладно, посмотрим... Та-ак, а где мой помощник? Стасик! Ста-аси-ик!... *(Жалуется Автору.)* Ну вот как тут работать с помощниками? То у них женитьба, то жена рождает...

АВТОР. Так молодое—оно и есть молодое. Чего вы хотите?

РЕЖИССЁР. То шабашка у него срывается—по детсадикам, видите ли, зайчиков с медведями играть... Полная профанация искусства!

АВТОР. Да, да, Александр Борисыч, согласен— профанация!..

Дальше диалог Режиссёра с Автором не слышен. Во время их неслышной беседы Тамара что-то шепчет на ухо Гене; оба смеются. Затем Тамара берёт Гену на руки, как младенца, целует и тетёшкает.

ГЕНА. Том, отпусти, неудобно—люди же.

ТАМАРА. А что люди? Пускай видят, как я тебя люблю.

ГЕНА *(строго)*. Отпусти, говорю!

ТАМАРА *(бережно опускает его на ноги и снова целует при этом)*. Ладно, бегай... А премию-то хоть дадут?

ГЕНА. Обещали сегодня.

ТАМАРА. Только ты не пей, ладно, Ген?

ГЕНА. Одну, Том. Всего одну. Можно?

ТАМАРА. Ладно! А я тогда кофточку новую куплю, а то уже и выйти не в чем. *(Кокетливо передёр- гивает плечами.)*

ГЕНА *(обнимает и гладит Тамару по спине, крепко шлёпает пониже спины)*. Да ты у меня и без коф- точки что надо. Особенно когда совсем ни в чём.

ТАМАРА *(хихикает)*. Ген, ну не выражайся—люди же!

ГЕНА. А что люди? Это—свои; пойдём, познакомлю. *(Берёт Тамару за руку, подводит к Автору*

и Режиссёру.) Знакомьтесь: это Тамара, жена. Она тут недалеко работает. *(Тамаре.)* Они—из теа- тра, мной интересуются. Герой, мол, и всё такое.

РЕЖИССЁР *(встает, расшаркивается)*. Очень, очень приятно. Какая милая у вас супруга! Тамара, вы не против, если мы и вами тоже заинтересуемся?

Тамара растерянно смотрит на Гену.

ГЕНА. Ладно, ты иди, они шутят. У нас тут муж- ской разговор.

РЕЖИССЁР. Почему—мужской? Женщина—как вино для беседы! Автор, непременно оцените фемину.

ГЕНА. Но-но, «вино»! Иди, иди, Тома, не слушай их, мы сами тут...

Тамара уходит. Все трое провожают её взглядами.

ГЕНА. Ну что? *(Смотрит на часы.)* Мне ведь ра- ботать надо идти.

РЕЖИССЁР. А-а, хорошо, иди, Гена, мы тут пока посоветуемся. *(Автору.)* Да-а, вполне типичен. Попробуем. Бог не выдаст—свинья не съест.

Гена идёт к станку, включает. Станок гудит. Гена начинает работать на нём.

РЕЖИССЁР *(смотрит на Гену, энергично потирая руки)*. А неплохо, однако! *(Поворачивается к Автору.)* Теперь нужны завязка и конфликт.

Гудение станка прекращается.

ГЕНА *(Автору и Режиссёру)*. Ну вот, т-твою мать-то, энергию какой-то х-х... кто-то отключил! *(Кри- чит за сцену.)* Где энергия, в-вашу мать? Мне же работать надо—сколько можно груши околачи- вать? *(Начинает копать в станке, чинить его.)*

РЕЖИССЁР *(растерянно смотрит на Автора)*. Что такое?

АВТОР. Ну вот, конфликт сам в руки идёт!

РЕЖИССЁР. Я понимаю. Но—нецензурщина!.. Кто ж её нам пропустит?

АВТОР. Да, проскакивает. Но, я думаю, подчистим, справимся.

Входит ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО.

РЕЖИССЁР *(Автору—негромко, увидев Ответ- ственное Лицо)*. Ведь говорил же! Вот вам, пожалуйста!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(важно раскланиваясь с Автором и Режиссёром)*. Здравствуйте. Шёл мимо, слышу: на сцене выражаются.

АВТОР. Видите ли, мы хотим взять человека прямо от станка. Живого.

РЕЖИССЁР. Производственная тема в плане—вы же сами утвердили!

АВТОР. Он рабочий! Простой рабочий.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО (*Автору*). Товарищ! Не знаю, как вас...

РЕЖИССЁР. Это—Автор.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Тем более! Конечно, ваше дело—сочинять как сердце подсказывает, иначе закричите, что кто-то покушается на вашу свободу творчества. А наше дело—редактировать, потому что вы люди безответственные. Но мы не имеем права показывать простого человека *таким*.

АВТОР. А почему, собственно?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Вы что, притворяетесь? Кого вы хотите выставить здесь дураком?

АВТОР. Я? Никого. Ну, срывается у него нечаянно—дурная привычка.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. И вообще, я даже не к вам обращаюсь. (*Режиссёру*.) Мы вам доверили театр, этот, с позволения сказать, храм искусства. Чему мы научим зрителя?

РЕЖИССЁР. Мы почистим. Мы обязательно почистим!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО (*насмешливо*). Ну почистите—а характер-то куда денете? Они же чуть что—сразу за горло: дай! Чему он научит зрителя?

РЕЖИССЁР (*согласно кивая*). Характер, да, да... (*Вдруг взрывается*.) Но позвольте, а если мы «Отелло» поставим—что же, они все пойдут своих жён душить? Поводов у них для этого не меньше, чем у Отелло!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Ну, «Отелло»—классика, а с вами-то пока ещё можно справиться. И вообще, «Отелло» мы вам тоже не разрешили.

РЕЖИССЁР. Позвольте, но ведь нам теперь дали некоторую свободу?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО (*грозит пальцем*). Но—в определённых рамках! И если вы их не ощущаете, мы вынуждены будем...

РЕЖИССЁР (*взрываясь*). Оргвыводы? Да делайте! Уйду! Надоело!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Что вы всё так близко к сердцу? Нельзя так распускаться! Мы вам доверили, понимаете... И вообще, мы же ничего не запрещаем, мы советуем.

РЕЖИССЁР. Да понял я вас!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. И прекрасно. Желая смелых творческих замыслов. Но—в рамках! (*Поднимает указательный палец*.) До свидания. (*Уходит*.)

АВТОР (*Режиссёру*). Зачем вы, в самом деле, так близко к сердцу?

РЕЖИССЁР. Но ведь это же ужасно, когда тебя всю жизнь тычут мордой! (*Взвинчивается по мере монолога*.) Я же, чёрт возьми, художник, а не мочалка, о которую любой чинуша может ноги вытирать!

АВТОР. Да не берите так близко к сердцу!

Вбегают, запыхавшись, СТАСИК.

СТАСИК. Сан Борисыч, вы меня звали?

РЕЖИССЁР (*раздражённо*). Звал! Потому что ты, Стасик, всегда должен находиться рядом и быть моей тенью, исполнителем моих замыслов. А ты?.. Смотри, отправлю, откуда пришёл!

СТАСИК. Извините, Сан Борисыч, я больше не буду! Но у меня ребёнок заболел...

РЕЖИССЁР. У тебя, смотрю, что ни неделя, ребёнок болеет. Но ведь у тебя же, по-моему, ещё жена есть—так что давай работать. Иди—будем менять сценическую атмосферу!

СТАСИК (*идёт в глубину сцены, убирает красное полотнище, вместо него вешает другое—с текстом: «Перестройка—в действии!»; затем подходит к Режиссёру*). Сан Борисыч, видите, как я стараюсь? Пожалуйста, замолвите за меня словечко в управлении культуры: пусть мне молодёжный театр дадут; там место главного режиссёра освобождается—я ведь уже созрел!

РЕЖИССЁР. Нет, Стасик, пока ещё не созрел... А как же я? Я ж без тебя—как без рук. Вот уйду на пенсию—можешь претендовать...

СТАСИК. Когда ещё уйдёте!..

РЕЖИССЁР. Годы быстро бегут. А пока учи систему Станиславского.

СТАСИК. А можно, я тогда ещё отлучусь—с ребёнком посидеть? Последний раз, Сан Борисыч!

РЕЖИССЁР. Ну что с тобой делать? Дети—это святое; беги. Но чтоб последний раз!

СТАСИК. Хорошо, Сан Борисыч! Спасибо! (*Убегает*.)

РЕЖИССЁР (*Автору*). По-моему, опять врёт. Готов спорить, калым нашёл.

АВТОР. Да-а, видите, какие они нынче—все ловчат, изворачиваются.

Появляются ПЁТР и ТОЛЯН, подходят к Гене, о чём-то тихо говорят.

РЕЖИССЁР (про себя). Это что ещё за чучела?.. Ах, ну да, Гильденстерн и Розенкранц! Штатпы, штатпы...

АВТОР (внимательно следя за рабочими и откликаясь на реплику Режиссёра). Что? Нет, это Генины дружки подошли.

ГЕНА (дружкам). Чего там случилось-то?

ПЁТР. Говорят, кабель порвали. Долго теперь.

ТОЛЯН. Если даже починят, всё равно заготовок нет. Может, скинемся?

ГЕНА. Мне нельзя. (Показывает на Автора и Режиссёра.) Вон...

ТОЛЯН. Кто это?

ГЕНА. Из театра, интересуются.

ТОЛЯН. А-а! Я думал, нормировщики—нормы резать будут. (Поворачивается к Автору и Режиссёру.) В конце месяца к вам в культпоход повезут! С отгулом! Поедем, если у вас в буфете пиво будет! (Хохочет и отворачивается, стараясь загородить спиной товарищей.) Ну чо телитесь?

Появляется НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Почему не работаем?

ПЁТР. Так энергии же нет, Николай Иванович.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Значит, идите на уборку территории. Через час дадут.

ТОЛЯН. Так вчера же убирали!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А разве за сутки мусор не мог накопиться?

ГЕНА. А платить как будете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Пусть у тебя голова об этом не болит. Заплатим.

ГЕНА. По среднему, да? Вы мне работу дайте! Чего мне с шестым разрядом балду пинать по среднему?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Что, смелый стал? Давно на коллективе не разбирали?

ГЕНА. Чего вы меня всё коллективом пугаете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Кстати, языкастых мы не держим.

АВТОР (Режиссёру). Вот вам и конфликт! Я пойду пока за кулисы, покурю.

РЕЖИССЁР. Хорошо, идите. (Потирает руки.) Так, так!

Автор уходит.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (оглядываясь на Режиссёра). Кто это?

ГЕНА. Из театра. Спектакль про нас хотят ставить.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (подходит к Режиссёру). Извините, я тут с ними немного пособачился... Это что, начальство заказало?

РЕЖИССЁР. М-можете считать, да.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Понятно... Вообще культурные мероприятия уважаю. Но если вы про них—какая же это культура? Эта троица давно у меня на счету... (Вынимает и листает записную книжку.) Вот, пожалуйста, тут у меня всё про них: пьянка, прогул. Советую вам взять Терёхина: передовик.

РЕЖИССЁР (мнётся, разводит руками). Видите ли, это воля Автора. К сожалению, режиссёр не всё может.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, смотрите—хотел как лучше. И вообще, не вовремя вы, ей-богу,—у нас тут чп.

РЕЖИССЁР. Ничего-ничего, мы мешать не будем.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (рабочим). А вы давайте на уборку! (Уходит.)

ТОЛЯН (кричит ему вслед). Мы щас, Николай Иваныч! (Обращается к товарищам.) Ну чо, мужики? Давайте шурупьте—щас погонят.

ГЕНА. Тройка хватит?

ТОЛЯН. Не жмись.

ГЕНА. Запомни: Пряхин не жмётся! (Достаёт из кепки тройку, отдаёт Толяну.)

ПЁТР (тоже отдаёт Толяну деньги). Давай чеши. Мы тут подождём.

ТОЛЯН. Опять я? Ну, ёкарбай!

ПЁТР. Так ты ж у нас самый молодой.

ТОЛЯН. Ладно, бес с вами. Я мигом. (Убегает.)

РЕЖИССЁР. Ну, это уже чересчур: ещё и пьянка на сцене! Где у меня Автор? Он же мне производственный сюжет обещал!.. Чёрт знает что! (Достаёт листы бумаги, что-то пишет и одновременно поглядывает на рабочих.)

ГЕНА (Петру). Нет, ты видал, что начальник говорит? Где, скажи, правда, а? Не любит он правды в глаза.

ПЁТР. А кто её, Ген, любит-то?

ГЕНА. Да сосёт он! Уйду я—брошу заявление на стол и уйду!

ПЁТР. Ты не шебаршись. Сейчас Толян прине- сёт—вмажем без этих, без свидетелей (*кивает в сторону кресел*), успокоишься. Нервы нынче тоже дорогие... Ты видал когда-нибудь хорошее начальство?

ГЕНА. Да по мне—лишь бы работа была, а не балду пинать.

ПЁТР. То-то и оно.

Входит ПОСТОРОННИЙ и идёт к Гене.

ПОСТОРОННИЙ. Здравствуйте, Геннадий Семё- ныч. Вот я вам тут принёс... Всё до копейки— как договаривались. (*Отдаёт Гене толстую пачку денег.*)

ГЕНА (*не считая, суёт пачку в карман*). Ну как, бегаёт машина?

ПОСТОРОННИЙ. Как новенькая! И двигатель, и тяги— всё нормально. Спасибо. В автосервисе больше бы взяли и сделали бы кое-как.

ГЕНА. Эт точно... Ну, катайся на здоровье. А если кому из коршей столб тоже дорогу перебежит— ко мне отправляй; моя фирма чисто работает!

ПОСТОРОННИЙ. Обязательно— теперь я вас уже знаю. До свидания. Спасибо вам большое! (*Ухо- дит.*)

ГЕНА. Ага! (*Машет ему вслед рукой, затем вы- таскивает деньги. Они сыплются на пол. Он поднимает их.*) Во, видал? Как навоз: сегодня нет, а завтра воз! Интересно, сколько бы я зарабо- тал, если бы в самом деле фирму открыл, а?... Та-ак, это себе. (*На глазок отделяет часть денег, суёт в один карман.*) Это— на пропой. (*Отделяет от пачки ещё одну часть.*) Хватит?

ПЁТР. Хва-атит!

ГЕНА. То-то! Пряхин для друзей ничего не жалеет, понял? Посидим вечерком. (*Прячет вторую часть пачки в другой карман.*) А это— Тамарке, на тряпки. (*Трясёт оставшейся частью пачки.*) Ну и детям там чего... (*Снимает кепку, суёт туда деньги и снова её надевает.*)

ТОЛЯН (*входит, достаёт из карманов две бутыл- ки и отдаёт Петру*). Держи, банкуи. Бегом сквозанул, аж вспотел.

ПЁТР. Давайте быстрее, а то щас начальник явится.

РЕЖИССЁР (*глядя на рабочих, морщится, возму- щённо плюётся*). Ну что за безобразие! Куда он делся-то? Опять, поди, в буфете? (*Встаёт с кресла и уходит за кулисы.*)

Гена достаёт из-под станка стакан. Он, Пётр и То- лян уходят на зелёный бугорок, садятся на него. Пётр наливает Гене.

ГЕНА (*задумчиво смотрит на наполненный ста- кан*). Ох, ребята, чегой-то нехорошо на душе. Чую, не добром у меня сегодня кончится.

ПЁТР. Пей быстрее, освобождай тару. (*Подми- гивает Толяну.*) Получил сейчас калым, вот такую пачку денег (*показывает преувеличенно большой размер*), и нехорошо себя чувствует!

Гена пьёт. Отдаёт пустой стакан Петру. Пётр на- ливает снова.

ТОЛЯН (*обдувает вынутый из кармана пряник и суёт Гене*). Вот, Ген, пряничек на сдачу взял.

В это время в глубине сцены появляется ТЕНЬ ОТВЕТ- СТВЕННОГО ЛИЦА. В то же самое время из-за кулис по- является Режиссёр, ведущий под руку Автора. Режиссёр, заметив в глубине сцены Тень Ответственного Лица, испуганно пятится, тая за собою Автора. Тень исчезает.

РЕЖИССЁР (*вытирает платком пот со лба*). Фу-у! Мне что-то показалось.

АВТОР. Мне— тоже!

РЕЖИССЁР. Странно...

Режиссёр и Автор рассаживаются в креслах.

АВТОР (*смеётся*). Да, уже призраки мерещатся. И отнюдь не тень отца Гамлета.

РЕЖИССЁР. Смеётесь?... (*Про себя.*) Надо бы заста- вить здание театра проверить. (*Обращается к Автору.*) И чего вас так в буфет тянет? Тоже пьёте?

АВТОР. Н-не больше других.

В это время Пётр передаёт стакан Толяну. Толян пьёт.

ГЕНА (*отдаёт Толяну надкушенный пряник*). Держи закусь.

РЕЖИССЁР (*показывает на них Автору*). Вот, пожалуйста! Это что, по-вашему, производ- ственный сюжет?

АВТОР. Я понимаю: вам, Александр Борисыч, хо- чется, чтобы здесь были умные дебаты, мысли о перестройке! Но дебаты эти, Сан Борисыч, ничего не стоят, пока не заработает Генин ста- нок!

РЕЖИССЁР. Но ведь предлагал же Николай Ива- нович какого-то Терёхина!

АВТОР. Да видел я этого Терёхина... Николай Иванович подсовывает его, потому что Гена ему вот так нужен (*чиркает себя пальцем по горлу*): у него руки золотые. Потерпите ещё: вдрут наш Гена раскроется?

РЕЖИССЁР (*раздражённо*). Да, я— терпеливый. Господи, кто на мне только не ездит! Потому и загораю в этой дыре, что терпеливый... Кстати,

эти новые ваши персонажи—совершенно безликие, без выраженных характеров.

АВТОР (*рабочим*). Друзья мои, вы слышали претензии Режиссёра? Давайте-ка чётче ваши характеры!

ПЁТР (*отвечает Автору*). Да нету у нас никаких характеров! Отстань!

Пока они препираются, Пётр забирает пустой стакан у Толяна, выливает остатки из бутылки, забрасывает пустую бутылку за бугорок и пьёт. В это время входит Николай Иванович. Автор жестом просит Режиссёра помолчать.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (*рабочим*). Опять? Да я вам знаете что за это?..

ГЕНА. Ну выпили. Пойдём сейчас воздух гонять! Только покажите, откуда и куда.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Поступил госзаказ, а вы тут—пьянку на рабочем месте! Немедленно к станкам!

ГЕНА. Да какое оно рабочее? Где энергия, где заготовки?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Потому и нет, что в другом месте такие же разгильдяи!

ГЕНА. Это кто, мы разгильдяи? Нечего на рабочий класс валить!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Это вы, что ли,—рабочий класс? Вы позорите рабочий класс! Завтра же—собрание! Посмотрим, как вы там запоёте!

ГЕНА (*заплетающимся языком*). А я могу и заявление подать! Пьём за свои, и нечего нас тут оскорблять! Прямо щас—заявление, и пошло оно всё на х...

АВТОР. Тише, тише! Мы договаривались, Гена: только без мата!

ГЕНА. А-а, товарищ Автор! У вас есть бумага—заявление написать?!

АВТОР. Нету чистой.

ГЕНА. Какой же вы писатель, раз бумаги нет? И ставьте ваш спектакль без меня—всё, ухожу на другой завод! Пошли, ребята, обмоем это дело! Во! Не у вас заработано!

Гена вытаскивает из обоих карманов пачки денег. Деньги сыплются на пол. Толян подбирает их, суёт себе в карманы. Гена, Пётр и Толян уходят.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну вот скажите: как с ними работать? Чуть что—«уйду»!

АВТОР. Мы, Николай Иванович, помочь ничем не можем. У вас власть в руках.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да нету у меня никакой власти! Надо мной знаете сколько надсмотрщиков? Скажите об этом хотя бы в вашей пьесе!

РЕЖИССЁР. Хорошо, скажем. Только не обольщайтесь!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А мне что делать? Мне ж за них и влетит!.. Это вы их подзуживаете! Пойду сейчас в партком доложу! (*Уходит.*)

АВТОР (*сидя в кресле, довольно потирает руки*). Ну вот, это уже интересней!

РЕЖИССЁР. Ну-ну, посмотрим... Что-то мне всё это не нравится... Ну и где они, ваши герои?

АВТОР. Сейчас явятся!

РЕЖИССЁР. Время, время! (*Показывает на часы.*) Нельзя же позволять им так бессовестно тянуть время!

АВТОР. Сейчас пойду потороплю (*пытается встать*).

Входят Гена, Пётр и Толян, сильно навеселе. У каждого в руке по бутылке; бутылки торчат из всех карманов. Пётр в одной руке держит полиэтиленовый пакет, другой рукой поддерживает Гену. Толян плетётся сзади, пытается петь: «Бежал бродяга с Сахалина звериной тайною тропой...»

ГЕНА (*Петру*). А я не боюсь начальника! Я его просто послал...

ПЁТР. Ты, Ген, держись, мы—с тобой! Толян, ты где там? Не отставай!

РЕЖИССЁР (*расстроено*). Ну что это опять?

АВТОР. Да, запили мужики! Но заметьте: закваска у них здоровая.

РЕЖИССЁР (*безнадёжно машет рукой*). Ай, бросьте вы про здоровье—это же деградация...

АВТОР (*полушёпотом, прикладывая палец к губам*). Тс-с... Потом доспорим.

ПЁТР. Вот он, наш бугорок. Давайте здесь.

ГЕНА. Годится.

ТОЛЯН (*подходит, поёт*). «А на кладбище всё культурненько, и закусочка на бугорке».

Садятся на бугорке, расставляют бутылки. Пётр достаёт из пакета и расстилает газету, выкладывает нарезанные куски колбасы и хлеба. Гена откупоривает бутылки.

РЕЖИССЁР (*зевает*). Ещё скажите: народная нравственность, чистота Святой Руси...

ГЕНА. Вот что я тебе говорил? Нету правды. Нету ведь? Скажи!

ПЁТР. Выпей, полегчает. *(Наливает стакан, подаёт Гене.)*

ТОЛЯН. Не надо спорить, ребята!

ПЁТР. А кто спорит-то?

ТОЛЯН *(пьяно тянется к Гене)*. Генаша, знаешь, что я тебе скажу? Я тебя люблю и уважаю. Ты — во мужик! Верно я говорю? Давайте лучше споём! *(Запеваает, дирижируя себе: «Привыкли руки к стопарям!»)*

РЕЖИССЁР. Н-ну, знаете... Это уже полная пошлость и безвкусица.

АВТОР. А что я могу? Я тут бессилён!

ГЕНА *(оборачивается на голоса)*. А-а, это вы? Давайте подруливайте! *(Поворачивается к друзьям и, смеясь, показывает на Режиссёра и Автора.)* Они про нас спектакль ставят.

Пётр и Толян тоже смеются.

ТОЛЯН. А пусть ставят. *(Встаёт и пытается плясать, хлопая себя по ляжкам и подпевая: «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик, заголив штаны, по улице бежит. Он бежит-бежит, попёрдывает, свои штаники поддёргивает!».)*

Входит Ответственное Лицо. Увидев его, Режиссёр и Автор, до этого сидевшие в креслах, развалившись, — съёживаются.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(обращается к Режиссёру)*. Позвольте, ведь мы же с вами беседовали. Что опять за вакханалия на сцене? *(Показывает указательным пальцем в пол.)* Это государственное предприятие или нет, я вас спрашиваю?

РЕЖИССЁР. Да я, собственно... *(Озадаченно смотрит на Автора.)*

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Нет, но мы именно вам сцену доверили! У вас нет чёткой позиции — вам навязывают что хотят, и вы всё принимаете!

АВТОР. Но я же вам объяснял: мы народную жизнь показать пробуем! Ну что делать, если она такая?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(раздражённо — Автору)*. Народную? Да вы издеваетесь над народом! Вы знаете, что за этим следует?

РЕЖИССЁР *(одной рукой дёргая за рукав Автора)*. Погоди, погоди! *(Вторую руку прикладывает к сердцу и обращается к Ответственному Лицу.)* Дайте немного времени, и мы всё-всё утрясём...

ГЕНА *(прислушивается к разговору и обращается к друзьям)*. Погодите, мужики, моего кореша затирают. *(Подходит и обнимает Автора.)* Тебя обижают, да? Кто? Он? *(Показывает на Ответственное Лицо и затем обращается*

к нему.) А в чём дело? Мы *(тычет себя пальцем в грудь)* имеем право! Имеем или не имеем, скажи?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Насчёт права ещё надо поспорить. И не тыкайте мне!

ГЕНА. Хэ, видали? Сам-то ты на всё право имеешь, да?

Подходят Пётр и Толян.

ТОЛЯН. В чём дело?

ПЁТР. Гена, мы с тобой.

ГЕНА. Погодите, мужики, я сам. *(Крепко берёт Ответственное Лицо за локоть.)* Послушай, друг.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(вырывая локоть из Гениной руки)*. Я вам не друг! Ведите себя как следует, если выпили!

АВТОР *(Ответственному Лицу, встав между ним и Геной)*. Извините, но я бы вам посоветовал не вмешиваться в дела героев. Они сами по себе... *(Обращается к Гене.)* У вас, Гена, свой базар, у нас — свой.

ГЕНА. Ах, у вас — свой? Тогда вот что, мужики... А ну валите отсюда!

ПЁТР. Правильно, в шею их!

ТОЛЯН. Только отдыхать культурно мешают!

Гена, Пётр и Толян пытаются вытолкать за кулисы Режиссёра, Автора и Ответственное Лицо.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Это что ещё за произвол?

ГЕНА. А у тебя — не произвол, да?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Почему на «ты»? Не позволю!

ГЕНА. Вали-вали, толстомордый!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Я на вас жаловаться буду!

ГЕНА. Только и умеешь жаловаться! Гони их в шею, ребята!

Толкотня на сцене продолжается.

АВТОР. Ребята, да я же — свой! Я — с вами!

ПЁТР. Ха, «свой»! Попей с наше, тогда и будешь свой! Вали давай!

РЕЖИССЁР *(про себя)*. Интересно: а я-то тут в какой роли? Полония, что ли?

ТОЛЯН. Иди-иди, ты тут без всякой роли!

Потасовка продолжается. В это время по радио раздаётся голос Б. Н. Ельцина: «Моральное рабство кончилось. Нам надо переходить от прямого давления, от использования силовых методов к созданию условий для свободной деятельности людей. Наступают, понимаешь,

*другие времена. Сколько же они принесут нам нового!..»
Раздаются аплодисменты.*

РЕЖИССЁР. Тихо! Давайте послушаем!

Все замирают и слушают. Продолжает звучать голос Б. Н. Ельцина: «Бюрократический аппарат чувствует, понимаешь, свою безнаказанность. Нужны, понимаешь, кардинальные перемены в жизни России. Тут огромное поле творчества людей в центре и на местах...» Когда далее Режиссёр начинает говорить, речь Б. Н. Ельцина становится тише.

РЕЖИССЁР. Ну вот, слава Богу, наконец-то от диктата партии освободились. Как давно я об этом мечтал! Свободен! Наконец-то свободен! *(Обращается к рабочим.)* Так что прошу извинить нас за беспокойство, но мы вас отпускаем: больше вы театру не нужны— можете заниматься своими делами.

ГЕНА *(Петру и Толяну)*. Ладно, ребята, ну их, в самом деле, этих интеллигентов занюханых. Пойдёмте— там у нас ещё осталось.

Гена, Пётр и Толян возвращаются на бугорок и продолжают выпивку, о чём-то беседуя; однако их голосов не слышно. Толян встаёт, идёт к станку, мочится на него (повернувшись к зрительному залу спиной), снова садится в кружок друзей.

РЕЖИССЁР *(обращаясь к Ответственному Лицу)*. Но, выходит, и вы нам не нужны— так что прощайте! Желаю найти более достойное занятие.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Позвольте!..

РЕЖИССЁР. Не позволю! Всё, свободны... Извините, мне некогда— у меня уйма планов. Прощайте! *(Машет рукой Ответственному Лицу.)*

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(с угрозой)*. Смотрите, Александр Борисович, как бы не пожалели об этом. Без нас вам не обойтись! *(Резко поворачивается и уходит.)*

РЕЖИССЁР *(вслед ему)*. Спасибо, обойдёмся. Прощайте! *(Автору, приглашая его сесть и довольной при этом потирая руки; оба садятся.)* Ну наконец-то, Иван Егорович, у нас с вами руки развязаны. Как давно я мечтал поработать без диктата! Но пока вы принесёте мне что-нибудь этакое— знаете, в духе нынешних событий,— хочу поработать над Шекспиром. Всю жизнь мечтал поставить «Гамлета». Нет, не того, которым зрителя закармливали,— он у меня будет ярче, динамичней, под стать эпохе, и вы, Иван Егорович, должны мне помочь: чуть-чуть осовременить старичка Шекспира. Что-нибудь этакое, вроде: «Гамлету— быть!» Каково, а?... Но— и без нынешней, как говорит молодёжь, «отвязности»; всё должно быть тонко, интеллигентно— и вы, я уверен, справитесь. А потом

мы повезём его в Европу, и старушка-Европа будет нам аплодировать...

Входит Стасик; за ним идут ПАРЕНЬ в кроссовках, рваных джинсах и куртке и ДЕВУШКА в мини-юбке и тоже в кроссовках и куртке.

РЕЖИССЁР *(Автору)*. А вот и наш Стасик! Наконец-то! *(Обращается к нему.)* Ты нам будешь сейчас очень-очень нужен.

СТАСИК *(раздражённо)*. Знаете что? Я вам больше не Стасик, а Станислав Эдуардович— прошу запомнить это!

РЕЖИССЁР. Хорошо, хорошо, Станислав Эдуардович. Но объясни: что случилось?

СТАСИК. Вы что, телевизор не смотрите? В стране— великие перемены, а вы замкнулись в своём тухлом мирке и ничего не хотите менять! А вот мы, молодая часть труппы *(показывает на Парня и Девушку)*, решили произвести в нашем театре революцию: вас, стариков, на пенсию отправить! Езжайте на дачи, морковку поливайте и не мешайте нам делать современное искусство! Прошу освободить помещение!

РЕЖИССЁР. Как? Мне— освободить?

СТАСИК. Да, да, вам— освободить! Кончилось ваше время с вашими дурацкими героями!

РЕЖИССЁР. Станислав Эдуардович, миленький, да куда же я пойду? Мне семью кормить надо— у меня маленький ребёнок на руках...

СТАСИК. Между прочим, у меня— тоже маленький, но я же как-то крутился! Знаем мы вас: живёте с бездарной Самохиной, тащите её на заглавные роли, ребёнка с ней прижили!.. Освобождайте место!

РЕЖИССЁР *(вставая с кресла вместе с Автором)*. Да как же?... Мне три года до пенсии осталось; я ничего больше не умею! Может, всё же позвольте— хотя бы... вашим помощником?

СТАСИК. Хорошо. Помощником— можно. *(Усмехается.)* Помните моё уважение к вам и учитесь у меня строить концептуальный режиссёрский театр! *(Садится в кресло Режиссёра, на минуту делает лицо сосредоточенным, затем обращается к Парню с Девушкой.)* Ладно, не будем терять время— начинаем! Мои уроки не забыли? Запомните: будем играть жизнь и играть правду на сцене, что одно и то же! Итак, «Чайка», действие первое. Репетируем сцену, где Треплев остаётся вдвоём с Ниной Заречной возле озера— эта сцена существенна для нашей интерпретации: мне здесь нужен половой акт. Начали!

Парень и Девушка выходят перед Стасиком.

ДЕВУШКА (*подбегает к Парню*). Я не опоздала?! (*Смотрит на наручные часы.*) Конечно же, я не опоздала!

ПАРЕНЬ (*многократно целует её*). Нет, нет, нет...

СТАСИК (*оживляется*). Так, хорошо, хорошо! Постепенно раздеваешься!

Девушка далее по ходу монолога резко снимает куртку и швыряет её на пол, оставшись в топике; затем срывает с Парня куртку, следом—его рубашку, тоже швыряет их на пол и страстно вцепляется пальцами в обнажённую грудь Парня.

ДЕВУШКА. Весь день я так беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня... И я гнала лошадь, гнала... Видите, как мне тяжело дышать?... Через полчаса я уеду, надо спешить! Бога ради, не удерживайте! Отец не знает, что я здесь!.. Но я рада!..

ПАРЕНЬ (*оглядываясь вокруг*). В самом деле, пора начинать. Мы одни.

ДЕВУШКА. Отец не пускает меня сюда. Говорит, что здесь богема... А меня тянет, тянет сюда! Моё сердце полно вами! (*Пытается растянуть парню ремень на джинсах и валит его на разбросанные куртки.*)

СТАСИК. Стоп, стоп, стоп! (*При этом Парень и Девушка встают и поднимают свою одежду.*) Неплохо, неплохо! Но надо бы сюда вернуть ещё немного ненорматива—чуть-чуть, для остроты сюжета. Сейчас я подумую. (*Опять изображает сосредоточенную мину на лице.*)

РЕЖИССЁР (*робко*). Станислав Эдуардович, позвольте! Какой же это Чехов?

СТАСИК (*раздражённо*). К чёрту Чехова! Это будем я и Чехов! И вообще, вы мне мешаете!

С неспешной важностью входит Ответственное Лицо, он же—хозяин. Теперь на нём—красный пиджак и красный галстук с белой сорочкой. За ним следуют два ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ; оба—в белых кроссовках, синих шароварах с белыми лампасами и кожаных куртках, сквозь кожу которых торочится что-то острое.

ХОЗЯИН (*останавливается и осматривается кругом; замечает Режиссёра и Автора, говорит с усмешкой*). А-а, старые знакомые? Ну-ну... (*Обращает внимание на Стасика.*) А ты кто такой?

СТАСИК (*почтительно встаёт*). Я—режиссёр. Пьесу репетируем. «Чайку».

ХОЗЯИН. Военная, что ли? Такая героиня была, Чайкина. Или про космос? «Я—„Чайка“, я—„Чайка“»?

СТАСИК. Нет, это пьеса Чехова.

ХОЗЯИН (*пока разговаривает со Стасиком, разглядывает Девушку, обходя её кругом*). Это она, что ли, Чайка?

СТАСИК. Да.

ХОЗЯИН. Мгм... Ничё, подойдёт... (*Отходит от Девушки и обращается ко всем.*) А теперь слушайте меня внимательно! Театр закрывается.

СТАСИК И РЕЖИССЁР (*одновременно*). Почему?

ХОЗЯИН. Потому! Я его приватизирую. Теперь здесь будет ночной клуб. Со стриптизом. (*Сметётся.*) И с добрыми услугами. Ты (*тычет пальцем в Стасика*) останься; остальные—свободны. (*Никто не двигается.*) Я сказал: свободны! Я дважды не повторяю! Р-раз!..

Все, кроме Стасика, покорно уходят.

ХОЗЯИН. Как тебя зовут?

СТАСИК. Стас.

ХОЗЯИН. Вот что, Стас. Эти (*кивает на ушедших Режиссёра и Автора*)—старьё, труха, всё равно ничё не смыслят, а ты, я смотрю, умеешь артисток раздевать! (*Шутливо грозит ему пальцем.*) Так что приглашаю тебя режиссёром в ночной клуб: поставь-ка мне как следует—на уровне чтобы, значит,—стриптиз, ну и всё остальное, в общем. И раздевай кого хочешь! Согласен?

СТАСИК. Н-не знаю. Н-надо п-подумать.

ХОЗЯИН. У нас, знаешь, долго не думают. Имей в виду: мы тебя всё равно найдём. А пока иди, рожай мне свежие идеи. (*Шутливо бьёт его по плечу.*) Всё, свободен.

СТАСИК. До свидания.

ХОЗЯИН. Будь здоров, не кашляй. (*Снова осматривается. Обращает внимание на висящий лозунг и на макет станка.*) Ну-ка, что там такое?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*подходя к станку*). Да какая-то хиромантия стоит.

ХОЗЯИН. Убрать!

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Бу сделано! (*Вместе со Вторым Телохранителем срывают лозунг, тащат макет станка за кулисы.*)

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*возвращаясь вместе с Первым, показывает на пьющих на бугорке рабочих*). А с этими чё делать?

ХОЗЯИН. Эти-то, пролетарии? Они нам пока не мешают—пусть пьют, если есть на что. Пока... Раз пьют—значит, руки заняты. (*Далее—оглядывая пространство и обращаясь к Телохранителям.*) Ну, всё, ребятки, потрудились хорошо—давайте отдыхать. Завтра большая работёнка корячится.

Все вторым идут со сцены, но пока идут — из-за сцены раздаётся выстрел. Хозяин падает замертво. Телохранители сначала, испуганно озираясь, разбегаются, затем осторожно подходят и склоняются над его телом.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Смотри, как садят: точно в сердце. Хорошая, видать, оптика. Немецкая.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ага. Ну чё, может, пока это... обшмонаем?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ага. Если чё, пополам.

Второй Телохранитель лезет рукой в нагрудный карман убитого, достаёт толстый бумажник и сунёт в свой карман. Первый Телохранитель шарит на поясе убитого, достаёт и прячет в карман пистолет.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ну чё, следователя теперь звать, что ли?

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ну да. Нам-то он зачем?

Первый Телохранитель достаёт сотовый телефон, набирает номер.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*смотрит за кулисы*). Погоди. Вон Гоша-бульдозер подъехал. Чует, волчара, кровь — тут как тут.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*опуская руку с сотовым телефоном*). Он не чует — он её заказывает.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. А нам-то чё делать? Он же по наши души приехал. (*Достаёт из кармана пистолет, передёргивает затвор.*)

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Погоди, не ёрзай. Может, договоримся?

ГОША-БУЛЬДОЗЕР (*выходя на сцену*). Здорово, орлы.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*успев сунуть пистолет в карман*). Привет, Гоша.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Чё у вас тут?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*кивает на тело*). Да вот, Хозяина шамальнули.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Жалко мужика. Но надо было делиться, а он не хотел. И чё вы теперь?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Дак следователя звать, оформить чин чинарём.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Погодите. Слушайте сюда. Здесь будет теперь автосалон «Тойота». Хотите работать? Пора, орлы, учиться торговать. Это вам не из нагана шамальять. Да и выгоднее. Мне нужны надёжные ребята. Если да — базара нет.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Да.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Да... А с Хозяином — чего?

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Уберёте. Когда стемнеет — за забор, а там разберутся кому надо. Чтобы здесь всё чистенько было. Зачем нам тут кровь, верно?

Телохранители молча кивают головами.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Если, в случае чего, следователи копать начнут и тёрки у вас с ними будут — звоните мне. Утрясём. Всё, действуйте. (*Уходит.*)

Телохранители волокут тело Хозяина за кулисы. При этом рабочие на бугорке, занятые выпивкой и разговором, который не слышен, не обращают на сценическое действие никакого внимания и при этом всё больше пьянеют... На сцену выходит и приближается к рабочим Николай Иванович.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Почему сидим? По какому поводу опять водка? Пока вы тут пьёте, там наш завод разворовывают!

ГЕНА. Да фиг с ним — свобода же, Николай Иваныч! Забил я, в общем, Николай Иваныч, на ваш завод большой болт — бизнесом хочу заняться: собственный цех по ремонту машин у меня будет. Мы тут уже планчик прикинули, чего и как. Завтра начнём.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, смотрите. Только как бы вам обратно на завод не вернуться... Только его уже не будет — некуда будет возвращаться.

ГЕНА. А сами-то вы как?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (*вздыхает*). На пенсию ухожу. Чтобы глаза мои не смотрели на это безобразие. (*Уходит.*)

ГЕНА. Жалко всё же Николая Иваныча.

ТОЛЯН. Да-а, не бери в голову... Нет, но скажи, Петро: Генаша у нас — голова! Мы за тобой хоть в воду! Люблю таких! (*Обнимает и целует Гену.*)

ГЕНА. И я вас тоже! Знали бы вы, как я вас люблю! (*Обнимает Петра и Толяна.*) Пейте, ребята. Пряxin ничего для друзей не жалеет, душу за них вынет, понятно? Никого у меня ближе вас нету!

ТОЛЯН. А Томка?

ГЕНА. Да Томка — баба! За что её любить-то?

ТОЛЯН (*хохочет*). За мягкое место.

Входит ТАМАРА, останавливается поодаль.

ПЁТР (*видит её и толкает локтем Гену*). Атаc, прокурор идёт! Легка на помине.

ТАМАРА (*угрожающим тоном*). Ах вот вы где, голубчики!

ГЕНА. А-а, Тома, боевая подруга моя! Давай к нам!

ТАМАРА. Генка, а ну иди сюда!

ГЕНА. Чего я там забыл?

ТАМАРА. Я что сказала?!

ГЕНА (*пьяно покачиваясь, подходит, пытается обнять и поцеловать жену*). А я, Том, с начальством поругался. Сгношился тут с ребятами...

ТАМАРА (*отталкивая его*). Где премия? Говори!

ГЕНА (*напевает*). Премия, премия— у отца Еремия... Да заработаю я тебе эту премию! (*Снова пытается обнять жену*.)

ТАМАРА (*опять отталкивает его и при этом ещё бьёт по щеке*). Говори, алкаш несчастный: где премия?

ГЕНА. Тома! (*Хлопает по карману, в который клал деньги, потом по другому, затем выворачивает их—оба кармана пусты. Он озадаченно вспоминает, куда делись деньги*.)

ТАМАРА. Я уже тридцать лет как Тома. Что ещё хорошего скажешь? А эти ханыги опять на твои деньги пьют? (*Решительно направляется к Петру и Толяну. Те вскакивают и трусливо убегают за кулисы*.) Убью гадов!

ГЕНА (*оглядывается на убегающих товарищей*). Ребята, да куда же вы? Бросаете? Эх вы-ы!

ТАМАРА (*возвращается, с плачем хватается Гену за грудь, трясёт, валит на пол*). А-а, про дружков ты помнишь, а про жену и про детей ты забыл? Я тебе напомним, гад такой, ты у меня ещё наплачешься за пропитые деньги!

ГЕНА (*вырывается, отбегают, снимает кепку; из неё сыплются на пол деньги*). Вот твоя премия! (*Нагибается, хочет собрать их*.)

Тамара идёт к нему. Гена бросает деньги и убегает вслед за друзьями.

ТАМАРА (*вслед ему—плачущим голосом*). Я тебе покажу Тамару! Я тебя в дурдом засажу! (*Всхлипывая, садится на колени, собирает рассыпавшиеся деньги, не забывая при этом и считать их*.) Чтоб ты провалился! Чтоб тебя черти взяли!.. Та-ак, это на пальтишко Славику, это Вовке на ботиночки... На кофточку опять не хватит... Чтоб вы все подавились этой водкой! Господи, да заberi Ты его у меня— не нужен он мне: надоел совсем! (*Так причитая и собрав все деньги, Тамара уходит*.)

Пустая сцена. Выбегает пьяный Гена.

ГЕНА. Э-эй, погодите! Петька! Толян! Где вы?.. (*Останавливается посреди сцены, крутится на месте*.) Куда они делись-то?.. (*Вдруг его охватывает порыв пьяного отчаяния; он всхлипывает и рвёт рубаху на груди*.) Бросили, гады! Кореша называются! Жалел я для вас что-нибудь? (*Вытирает локтем слёзы; снимает с головы*

кепку, утирает ею лицо; из кепки выпадает случайно оставшаяся денежка. Он поднимает её; настроение его заметно улучшается.) Хэ, смотри-ка! Во везёт—ещё осталась! Пойду-ка добавлю. (*Уходит, напевая про себя*.) «Встретились мы в баре ресторана...»

Пустая сцена. Выходят Режиссёр и Автор.

РЕЖИССЁР. Какое безобразие! Все как взбесились всё равно с этой свободой! И вы меня подставили со своим Геной.

АВТОР (*тащится позади*). Простите, но я сам не ожидал такого! Как-то всё вместе свалилось: и этот пьяный разгул, и приказ рынок создавать!

РЕЖИССЁР. Так вам и надо, наивный вы человек! А ведь я вам говорил: осторожнее—они непредсказуемы. (*Показывая на кресла*.) Ладно, давайте передохнём—устал я с этими героями. (*Оба садятся в кресла*.) Вот подсовываете вы мне простого человека, а ведь его ещё осмыслить надо. Русский человек, батенька мой,—самое загадочное явление в мире: сам не знает, чего хочет, куда его тянет, отчего ему грустно или весело. Помните, как в сказке: «Пойди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что». Это же театр абсурда в чистом виде! Его фантазии, мечты, характер— всё есть абсурд. И с горя он пьёт, и с радости пьёт. Зачем? Самый счастливый человек в наших сказках кто? Бездельник: всё идёт и идёт куда-то в тридевятое царство, ищет молочные реки с кисельными берегами. А зачем? Чтобы вкусно есть, сладко пить и ничего не делать! Каков менталитет, а? И ведь это, батенька, в нас с молоком матери...

АВТОР. Да, да, конечно... Но нам-то что теперь делать?

РЕЖИССЁР. Как что? Идти в бюро по безработице—или как оно у них там называется?—вставать на учёт и получать пособия. Или у вас другое предложение?..

Через сцену, оглядываясь, бежит Гена.

РЕЖИССЁР (*увидев Гену, трясёт Автора за рукав*). Вон он, вон он! Ну-ка попробуйте его задержать!

АВТОР (*вскакивает и бежит за Геной*). Гена, стой!.. Да постой же ты!

Гена, оглянувшись на Автора, припускает быстрее и исчезает.

РЕЖИССЁР (*встаёт*). Нет, так нельзя! Надо разыскать его, а то ведь он что-нибудь натворит. Мы, интеллигенция, ответственны за него. Пойдёмте!

Режиссёр берёт под руку Автора, и они бегут трусцой вслед за Геной, но на середине сцены останавливаются:

в глубине сцены появляется Тень Ответственного Лица в первоначальном виде.

РЕЖИССЁР (*громко шепчет Автору*). Стойте! (*Режиссёр и Автор замирают. Тень Ответственного Лица медленно проходит в глубине сцены, осяпывая рукой пространство вокруг, как слепая, и исчезает.*) Видели?

АВТОР. Да!

РЕЖИССЁР. А я уже понял, как быть, когда она является: надо ничего не делать, и тогда она тебя не видит!.. Ладно, идёмте.

Через сцену снова пробегает Гена, уже в обратном направлении. Следом слышен милицейский свисток. Режиссёр и Автор останавливаются.

АВТОР. Гена, да постой же ты, что-то скажу!

Гена исчезает. Следом бежит милиционер.

МИЛИЦИОНЕР. Стой! Гражданин, остановитесь!.. (*Режиссёру и Автору.*) Почему задержать не помогли?

АВТОР. Не успели. Что он там натворил?

МИЛИЦИОНЕР. Витрину разбил—водку хотел похитить! Держите его! (*Убегает.*)

РЕЖИССЁР (*Автору*). Пойдёмте следом. Надо же его выручить!

Режиссёр и Автор поворачивают вслед за Генкой и быстро уходят. Пустая сцена. Снова появляется Гена, пробегая в обратную сторону. Когда он скрывается, за ним пробегают два САНИТАРА с носилками. Когда скрываются санитары, появляется Тень Ответственного Лица. Снова через сцену бежит Гена, видит Тень, шарахается от неё в крайнем испуге, беспорядочно отмахиваясь руками, как от роя пчёл.

ГЕНА. Кыш! Не хочу! (*Пытается перекреститься правой рукой, но она не поднимается. Он удивлённо смотрит на неё. Наконец неимоверным усилием поднимает её и осеняет себя крестом. Тень исчезает. Гена с удивлением рассматривает руку.*)

За сценой слышны далёкие приглушённые крики: «Держи-и! Держи-и!» Гена убегает. Пустая сцена. Темнеет. Слышны топот и пыхтение бегущего человека. Затем на заднике сцены проступает решетчатая мачта. При очень слабом свете Гена снова вбегает на сцену, падает и ползёт на четвереньках. Добравшись до мачты, карабкается на неё и исчезает сверху. Всё это он проделывает в болезненном возбуждении и страхе, постоянно озираясь. Когда Гена исчезает сверху, наступает тишина. Свет полностью гаснет.

Действие второе

Тишину и темноту нарушает мощный рёв реактивного двигателя... Постепенно рёв стихает. Раздаётся

весёленькая ритмическая музыка... Затем музыка постепенно стихает, раздаётся сигнал настройки точного времени по радио, а затем—громкий и торжественный голос из радиопередатчика: «Говорит Москва! Передаём последние известия! Сегодня, в четыре часа пятнадцать минут по московскому времени, произведён запуск космического корабля! Корабль выведен на заданную околоземную орбиту. На борту корабля—два космонавта: командир корабля полковник Иванов Алексей Степанович и бортинженер Петров Сергей Фёдорович. Самочувствие у космонавтов хорошее. Все приборы работают нормально!..» При последних словах диктора вспыхивает свет. В верхней части сцены в виде большого телеэкрана—интерьер космического корабля с пультами и приборами. В креслах—космонавты АЛЕКСЕЙ и СЕРГЕЙ в лёгких спортивных костюмах с эмблемами и различными датчиками, работающие в невесомости. И вообще все последующие сцены в космосе—в условиях невесомости: герои как бы «плавают» в кабине. На сцене внизу справа—пульт наземного управления космическим полётом. За ним в кресле перед пультом—ГЕНЕРАЛ, руководитель космического полёта. Связь с космическим кораблём у него—через микрофон.

ГЕНЕРАЛ. Внимание! Корабль входит в зону прямой телесвязи! Приготовиться всем, начинаем сеанс! Станция, ответьте: как слышите?

АЛЕКСЕЙ. Слышим вас хорошо.

ГЕНЕРАЛ. Как самочувствие?

АЛЕКСЕЙ. Спасибо, нормальное! (*Улыбается, приветливо машет рукой.*) Докладываю: положение станции на орбите стабилизировано, пробуем ручное управление, идём в параметрах. Начинаем программу.

ГЕНЕРАЛ. Ну, давайте. Корректировку мы ведём... Тут мне докладывают, что система автоматического обеспечения у вас сигналы неточно даёт—какая-то помеха всё время. Проверьте сами.

СЕРГЕЙ. Сейчас займусь. (*Встаёт с кресла, садится на корточки, открывает шкаф, потом другой, у пола, удивлённо смотрит в него.*) Ни-че-го себе!

АЛЕКСЕЙ (*оставаясь за пультом управления, не оборачиваясь*). Что там?

Сергей вытаскивает из шкафа сонного Гену. Гена—всё в той же рабочей спецовке, сапогах и кепочке. Вид у него очень помятый, на лице—синяки.

СЕРГЕЙ. Сейчас... Тут нам земной подарочек подсунули. (*Трясёт Гену.*) Эй!

ГЕНА. М-м... (*Качаясь, поднимается на ноги, протягивает руку Сергею.*) Здорово.

АЛЕКСЕЙ (*оборачиваясь в кресле*). Это что такое?

ГЕНЕРАЛ. Что у вас там случилось?

АЛЕКСЕЙ. Сейчас разберёмся. Какая-то тут... галлюцинация с нами!

СЕРГЕЙ (не замечая протянутой Гениной руки). Ты кто такой?

ГЕНА. Гена я, Генаша. Во даёт! Не узнаёшь, что ли?

СЕРГЕЙ. Нет.

ГЕНА. Мы же вчера вместе квасили! Или позавчера?... Ну ты чё, в натуре?

СЕРГЕЙ. Ни вчера, ни позавчера я с тобой не квасил. Это—точно.

ГЕНА (Алексею, показывая на Сергея и крутя пальцем у виска). Хэ! Ну даё-ёт!

ГЕНЕРАЛ. Немедленно доложите, что у вас там!

АЛЕКСЕЙ. Не поймём: или галлюцинация, или что? Человек на борту!

ГЕНЕРАЛ. Что за человек? Членораздельно можете?

АЛЕКСЕЙ. Не знаю. Говорит, Гена.

ГЕНЕРАЛ. Кто он такой? Как попал? Немедленно уточните! Мы тут у себя тоже разберёмся. (Переключает кнопку на пульте.) Разберитесь с охраной космодрома и доложите: как мог попасть в аппарат посторонний? Что за личность? (Переключает кнопку.) Немедленно пересчитайте мощности двигателей, возможное изменение траектории с учётом дополнительной нагрузки! (Переключает кнопку.) Рассчитайте запасы биоресурсов—питания, воды, кислорода—с учётом в аппарате пассажира... Да-да, пассажира, т-твою м-м... чёрт побори! Я не оговорился: пассажира!.. По чьей халатности?... Влетит нам этот пассажир! (Переключает кнопку.) Объявите, что на Центральное телевидение прямые репортажи из космоса давать не будем!.. «Почему-почему»... По техническим причинам, вот почему!

ГЕНА. Где я?

СЕРГЕЙ. В космосе.

ГЕНА. Хэ! Шутни-ик!.. Какая-то лаборатория.. Не-е, в натуре: как я к вам попал? (Спохватывается.) Мне ж, мужики, домой надо!

СЕРГЕЙ. Честное слово, в космосе. Вон, посмотри, какая Земля отсюда (показывает в иллюминатор).

ГЕНА (заглядывает в иллюминатор, хватается за голову, падает, медленно встает). Ой-ой-ой! Да как же это? Тамарка-то что мне скажет?... Стой! (Выворачивает карманы, срывает с головы кепку.) Деньги! Негу! Всё пропили, что ли? Томка, дети... Ой-ой-ой! (Хватается за голову.) Голова трещит. Плоточек бы! Чего-нибудь!

СЕРГЕЙ (достаёт из шкафа туб, отвинчивает крышку, подаёт Гене). Вот, попей.

ГЕНА (прикладывается, жадно пьёт, морщится). Тьфу, кислое, зараза. Что это?

СЕРГЕЙ. Яблочный сок.

ГЕНА (морщится). Тьфу, не могу!

СЕРГЕЙ (глядя на него, удручённо). Господи, неужели это—сапиенс?

ГЕНА. Не-е, я не сапиенс—я Пряхин. Гена..

ГЕНЕРАЛ. Ну как, Алексей, выяснили что-нибудь?

АЛЕКСЕЙ. Пока нет. Приводим в чувство. Он с глубокого похмелья.

СЕРГЕЙ. Ты кто такой? Откуда взялся?

ГЕНА. Хэ, ишь какой! Я вам скажи, а вы меня заложите, да?

СЕРГЕЙ. Как ты сюда попал?

ГЕНА. Витрина... Менты... Носилки... Ночью... Вот убей, не помню, как было!

АЛЕКСЕЙ (Генералу). Говорит, не помнит, как попал. Что с ним делать?

ГЕНЕРАЛ (подумав). Пока продолжайте программу. Постарайтесь занять, чтоб не мешал. У нас тут все службы на ноги подняты. Будем решать... Интересно, как же он перегрузки-то выдержал?

АЛЕКСЕЙ. Ничего, говорит, не помнит.

ГЕНЕРАЛ. Тут отдел медобеспечения просит взять под наблюдение.

АЛЕКСЕЙ. Подступаемся, товарищ генерал.

ГЕНА (осматривается, легко подпрыгивает на ногах, удивляется невесомости). А чегой-то меня так качает?... Смотри-ка! Пол уходит!

СЕРГЕЙ. Это невесомость.

ГЕНА. Во пробирает! (Шарахается по тесному отсеку, хохочет.) Ой, балдёж!

СЕРГЕЙ. Осторожней, тут кругом приборы.

ГЕНА. Приборы? Дак в них же спирт есть!

СЕРГЕЙ. Не про твою честь!

ГЕНА (всматривается в один прибор). Во, мля! (Кидается, пытается выломать прибор.)

СЕРГЕЙ. А ну не смей! (Оттаскивает Гену, сшибает с ног, наваливается, связывает ему руки зади куском провода.)

ГЕНА (дёргается, связанный). Сильный, да? Натренировался? Мужики, ну не буду больше! Ей-бо, не буду! Развяжите, а?

СЕРГЕЙ. Полежи, охолонись.

ГЕНА. Говорю, не буду... Чё, неужели вам водочки в дорогу не дают?

СЕРГЕЙ. Нет, конечно. Зачем? Нам и без неё хорошо. *(Садится в своё кресло.)*

ГЕНА. Ну, мля, тоска-а!

ГЕНЕРАЛ. Что там у вас опять?

АЛЕКСЕЙ. Связали.

ГЕНЕРАЛ. Он—свой или иностранец? Выяснили?

АЛЕКСЕЙ. Да свой—хотел прибор выломать. Спирт ищет.

ГЕНЕРАЛ. Значит, свой!.. Может, спустим вас, а? Пока не натворил чего-нибудь?

АЛЕКСЕЙ. Да вы что, товарищ генерал! Столько готовились... Из-за одного ханурика... Мы готовы продолжать полёт!

СЕРГЕЙ. Как-нибудь управимся, товарищ генерал! И не с такими перегрузками справлялись.

ГЕНЕРАЛ. Ну хорошо... Тут мне докладывают первые перерасчёты: топливный ресурс у корабля—с запасом. Сейчас должны дать перерасчёт биоресурса. Пока продолжайте полёт. Пробуйте выйти в контакт с пассажиром.

ГЕНА. Мужики!

СЕРГЕЙ *(полушёпотом, показывая кулак)*. А ну не мешай—у нас сеанс связи!

ГЕНЕРАЛ. Значит, так: орбита—нормальная, биоресурс маловат. Полёт придётся сократить. Расчёт дадут чуть позже. А пока—ладно, продолжайте программу.

Пауза.

ГЕНА. Мужики, а со мной-то что делать будете?

СЕРГЕЙ *(полушёпотом)*. Замолчи!

ГЕНЕРАЛ. Внимание! Время прямой телесвязи истекает. Тут мне ещё доложили результаты перерасчётов: ресурс жизнеобеспечения сократится у вас на две недели. Завтра утром будет готов перерасчёт ваших рабочих программ в связи с сокращением времени полёта. Во время следующего сеанса через семьдесят минут доложите ваши первые намётки по пассажиру.

АЛЕКСЕЙ. Хорошо, товарищ генерал!

ГЕНЕРАЛ. Ну а если биопсихосовмещение не получится, придётся вас спускать. Дело серьёзное.

СЕРГЕЙ. Справимся, товарищ генерал!

ГЕНЕРАЛ. Ну, счастливого вам полёта! *(Усмехается.)* И приятного соседства!

АЛЕКСЕЙ. Спасибо!

ГЕНЕРАЛ. Не за что. Конец связи.

Генерал выключает кнопки на пульте и уходит. Пауза.

ГЕНА. Не-е, в натуре, мужики: что вы делать-то со мной будете?

СЕРГЕЙ. Съедем, как только продукты кончатся. На что ты ещё годеи? Так раньше пираты пленных с собой брали, на всякий случай. Слышал?

ГЕНА *(недоверчиво)*. Хэ-э!

АЛЕКСЕЙ. Кончай, Сергей, шуточки: нас весь мир слушает, юмора не поймут.

СЕРГЕЙ *(Гене)*. Не хочешь, значит, чтоб съели? Перевоспитывать будем.

ГЕНА. Меня? Да меня сто человек в цеху перевоспитать не могли! Я трудный, морально неустойчивый. Плохо влияю на окружающих. Хватит? Я же вас морально разложу.

СЕРГЕЙ. Ну вот что тогда *(подмигивает Алексею)*. Раз ты такой неисправимый, мы тебя сейчас затолкаем в скафандр, привяжем за трос, выведем в открытый космос, и болтайся там до конца полёта. Остынешь маленько—там минус двести семьдесят, абсолютный ноль. *(Решительно встаёт и достаёт скафандр.)* Вставай, пошли!

ГЕНА. Не хочу я в открытый космос!

СЕРГЕЙ *(тормошит Гену)*. Пошли, пошли.

ГЕНА *(дёргается, связанный)*. Не хочу я!

СЕРГЕЙ *(с наигранной угрозой в голосе)*. Не хочешь, значит?

ГЕНА. Нет! Я домой хочу!

СЕРГЕЙ. Ах, домой? Ладно!.. Тогда вот что, Гена: надо потерпеть до конца полёта. Зато прилетишь здоровеньким. Сейчас я тебя развяжу, и для начала умоешься, чтобы нам не смотреть на твою грязную рожу...

ГЕНА. Не имеете права оскорблять!

СЕРГЕЙ. Ах, тебя ещё и оскорблять нельзя? А я с тобой по-свойски, без всякого права. Ещё и поддам.

АЛЕКСЕЙ *(Сергею, негромко)*. Не надо с ним так. Помягче.

СЕРГЕЙ. Ничего, потерпит. Знаешь, Лёша, у меня батяня такой был, царство ему небесное, и мне в четырнадцать приходилось вот так же с ним возиться. А миндальничай я с ним—и был бы сейчас как этот фрукт... Значит, так, Гена: умоешься, приведёшь себя в человеческий вид, сделаешь зарядку...

ГЕНА. Не хочу я зарядку!

СЕРГЕЙ. Тогда—в космос!

ГЕНА. А как её делать?

СЕРГЕЙ. Я покажу. Без зарядки здесь, брат, нельзя—ослабеешь и до дома не дотянешь. Усёк? У нас условия тяжёлые.

Свет внутри аппарата медленно гаснет. Дальнейший диалог Сергея с Геной—в темноте и через микрофон.

ГЕНА. Усёк.

СЕРГЕЙ. Прекрасненько! Значит, с тобой всё не так безнадежно... Сделаешь, значит, зарядку, позавтракаешь... Что ты умеешь делать?

ГЕНА. Гена Пряхин всё умеет!

СЕРГЕЙ. Ещё лучше! И начнём, Гена, здоровый образ жизни. Трудиться будем.

ГЕНА. А почему темно-то так?

СЕРГЕЙ. Вошли в тень Земли. Энергию экономим...

Последние слова доносятся всё слабей и слабей. Когда диалог Сергея с Геной заканчивается, на сцене появляются Автор и Режиссёр.

РЕЖИССЁР. Вот видите, Иван Егорович, времена меняются, на этот раз—к лучшему: наконец-то возникает интерес к культуре, к социальным, к нравственным проблемам. Снова меня пригласили в главрежи, и я вспомнил о вас. Прошу! *(Приглашает Автора в кресло; они проходят и садятся. В это время слышен тихий, невнятный голос В. В. Путина: «Если вы помните, в „Послании“ я говорил, что все на своих местах должны работать с полной отдачей сил. Но одно дело—призывы, а другое—реалии».)* Вот, кстати!.. Сделайте-ка, пожалуйста, погромче!

Автор уходит за кулисы. Речь В. Путина начинает звучать громче: «Нет ни одной темы, которую мы могли бы и хотели бы скрыть, глаза куда-то спрятать. Нам нечего стесняться, мы открыты для любой дискуссии...» Автор входит снова и садится. Голос В. В. Путина продолжает: «Для выполнения исторических задач, стоящих перед нами, мы должны сосредоточиться на ключевых проблемах общества. Россия возродится; мы сможем удивить себя, удивить мир...» Режиссёр, слушая, кивает головой; когда он начинает говорить, голос В. В. Путина смолкает.

РЕЖИССЁР. Вот вам—подтверждение. Похоже, новая политустановка... Всё, так сказать, в свете веяний.

АВТОР. Спасибо, Сан Борисыч, что вспомнили обо мне... А где, интересно, сейчас Гоша-бульдозер? Живой?

РЕЖИССЁР. Сбежал, естественно, и Интерпол никак не может его найти, хотя все знают, что он в Африке—негров жить учит. Теперь, после него, надо полмиллиарда, чтобы восстановить театр, репертуар, труппу. Но, слава Богу, власти деньги дают, так что нам с вами предстоит большущая работа.

АВТОР. А Стасик, интересно, где?

РЕЖИССЁР. Стасик? О, с ним уже много чего случилось в наше смутное время! Свою «Чайку» он всё же поставил...

АВТОР *(удивлённо)*. Малый—не промах!

РЕЖИССЁР. Издержки времени. Каждый зарабатывает в мутной водичке свой, так сказать, трудный хлеб... Короче, увёз он свою «Чайку» в Берлин, взял там первое место на театральном фестивале...

АВТОР. Тот вариант, что с ненормативом, что ли?

РЕЖИССЁР. Да. Ещё и половой акт туда ввёл, так что немцы уписались от кайфа, пригласили его работать, и теперь он показывает свои театральные какашки потомкам Шиллера и Гёте.

АВТОР. Да-а, маразм крепчал. Вот, оказывается, чем их побеждать-то надо, а мы!.. Но неужели они не понимают, что это издёвка над ними?

РЕЖИССЁР. Думаю, понимают—но из какого-то, наверное, неутолённого садомазохизма, прошу прощения, хавают и похваляют... Впрочем, что нам Гекуба? Нам, дорогой мой, надо в свои игры играть... Ну, и где же ваш герой? Он то появляется у вас, то исчезает неизвестно куда!

АВТОР. Я сам его потерял!

РЕЖИССЁР. А вот Шекспир, между прочим, знал, куда Гамлета посылал.

АВТОР. Что вы меня всё Шекспиром бьёте? Имею я право быть самим собой?

РЕЖИССЁР. Да делайте что хотите—мне уже всё равно, только бы концы с концами сошлись.

АВТОР. Сейчас, между прочим, должна появиться его жена... Может, она знает, куда он делся?

Входит Тамара с тяжёлой сумкой в руке, за ней—Толян. Автор хочет пойти ей навстречу, но Режиссёр жестом удерживает его и прижимает палец к губам.

ТОЛЯН. Том, а где Генка-то твой?

ТАМАРА. Это у вас, алкашей проклятых, спросить надо, где его черти носят! Как тогда убежал—и с концом!

ТОЛЯН. Том, а мы-то тут при чём? Он и от нас сбежал. То-то я смотрю: одна и одна. Дай помогу.

(Пытается забрать у Тамары сумку. Тамара не даёт.) Ну дай! (Пытается отнять сумку.)

ТАМАРА *(отталкивает его)*. Пожалел, что ли?

ТОЛЯН. Конечно, пожалел: симпатичная женщина—и одна. *(Суетится около Тамары, хихикает, загораживает ей дорогу.)*

ТАМАРА *(отстраняя его)*. Ага, пожалел волк кобылу...

ТОЛЯН *(смеётся)*. Да нет, мы же люди, Тома, должны заботиться друг о друге. Может, чем-то его заменю? Друг всё же. Чего уж, не сгложусь?

РЕЖИССЁР. Смотри-ка, что он делает, подлец!

АВТОР. Да старая история: пошляк пытается соблазнить жену товарища.

ТАМАРА *(Толяну)*. Ишь ты, какой заботливый стал!

ТОЛЯН. Тамара, да я к тебе с чистой душой, а ты нехорошо подумала. Подумала ведь?

ТАМАРА. Да иди ты в лапоть!

ТОЛЯН. И пойду. Можно рядом? Мне в ту же сторону.

ТАМАРА. Мне-то что? Иди. Дорога никому не заказана.

ТОЛЯН. А сумочку? Тебе же тяжело. Дай.

ТАМАРА *(устало)*. Отвянь, надоел.

РЕЖИССЁР. А ведь она и в самом деле недурна, а? Молода, здорова. Рабочие женщины—они такие мускулистые, крепенькие... Нет, как хотите, я этого не могу допустить... *(Выходит на середину сцены, загораживает дорогу Тамаре и Толяну.)* Здравствуйте, уважаемая Тамара. Помните, нас с вами знакомил ваш муж? Я режиссёр из театра. *(Обращается к Толяну.)* А вы, молодой человек, что тут делаете?

ТОЛЯН. Д-да н-нет, я н-ничего.

РЕЖИССЁР. Вы приятель её мужа, а пристаёте к ней—я же вижу. Как вам не совестно? Я вынужден её защитить.

ТОЛЯН *(уходя)*. Да я только про Генку узнать—её спросите. Надо мне...

РЕЖИССЁР. Спрошу, спрошу. *(Тамаре.)* А вы, Тамара, любите театр? Театр! Каким магическим словом ты был... Впрочем, не о том я... Ведь женщины неравнодушны к театру. И знаете почему? Потому что каждая в душе—актриса, да, да, актриса! Небесталанная, я бы даже сказал, актриса—и вознаграждён бывает тот, кто талант этот в ней открывает!.. Позвольте сумочку?

ТАМАРА *(смущённо)*. Ой, да не надо, я привычная.

РЕЖИССЁР. Как джентльмен, в некотором роде... Вы помните наш разговор в присутствии мужа? Мне бы в самом деле хотелось приобщить вас к театру. Одеть вас со вкусом, нанести тончайший грим—поверьте моей интуиции, вы были бы неотразимы, несравненная Тамара! Нужен художник, ювелир, который огранил бы вас, заключил в золотую оправу, как драгоценный камень!

ТАМАРА *(нерешительно)*. Да у меня дети...

РЕЖИССЁР *(всплёскивая руками)*. Но, Тамара, дети никогда не были помехой в приобщении к прекрасному!

На втором плане появляется Тень Ответственного Лица.

РЕЖИССЁР *(раздражённо, увидев Тень)*. О проклятье, ну нигде от него спасенья нет! *(Сухо.)* Простите, Тамара: всё это невольно вырывается, глядя на вас,—но мы с Автором, собственно, к вам по делу. Скажите: где ваш муж? Он нам очень-очень нужен.

ТАМАРА *(грубовато)*. Откуда я знаю? Нужен—так сами и ищите!

РЕЖИССЁР. Простите великодушно. *(Направляется к Автору.)*

Тень Ответственного Лица исчезает.

ТАМАРА *(уходя со сцены)*. Что вы все ко мне пристали? Не знаю ничего! Как вы мне надоели, кобели проклятые! Никакого толку от вас!

Пауза.

РЕЖИССЁР. Ну, что скажешь, Автор? Где герой?

АВТОР. Спросите что-нибудь попроще... Пойдём сейчас искать.

РЕЖИССЁР. Искать? На меня не рассчитывайте. Когда, знаете, я был молод—да, я искал своего героя. Но я устал его искать... Послушайте, вы видели давеча Тень?

АВТОР. Видел.

РЕЖИССЁР. Слава Богу! А то я уж думал, схожу с ума. И вас она не беспокоит?

АВТОР. Я даже не успел—думал о новом сюжетном ходе.

РЕЖИССЁР. Счастливым! А я устал сражаться с теньями—дают себя знать годы. И Тамара вот... Ну зачем мне кого-то искать, когда к моим услугам—неиссякаемый Островский, милый Чехов, великий Шекспир, суровый Ибсен?... А вы мне, батенька,—какого-то зачуханного Гену, с которым одни неприятности.

АВТОР. Но его же всё равно надо найти, хотя бы для этой несчастной женщины!

РЕЖИССЁР. Друг мой, думаете, она, как Сольвейг, будет сидеть и горевать о своём забуддыге? Плохо знаете женщин! Хотите пари? Не далее как сегодня этот Генин собутыльник вползёт в её дом и тихой сапой заберётся к ней в постель, со всеми вытекающими последствиями... Она после недолгих колебаний отдастся ему, получит краткий миг забвения, и покажется ей, что миг этот и есть счастье.

АВТОР (*раздражённо*). А хотите знать, что я о вас думаю?

РЕЖИССЁР. Знаю! Вы думаете так лишь потому, что я лучше вас знаю женщин.

АВТОР. И всё-таки—хотите знать?

РЕЖИССЁР. Извольте.

АВТОР. Вы, Александр Борисыч, боитесь жизни! И Гена с Тамарой раздражают вас: они для вас—лишь недоразумение, сор, который в глаза лезет.

РЕЖИССЁР (*угрожающе*). Ну-у, милый мой!

АВТОР. А меня вы, конечно, презираете, хотя ждёте от меня современных сюжетов, которые, кстати, тоже презираете, и прячете свою голову в вашу классику, потому что там—всё известно и не надо рисковать...

РЕЖИССЁР. А вы, вы, милый мой,—вы жалкий пачкун! Вы примитивный, бескрылый копиист жизни, и никогда вам не подняться над вашими Генами и Тамарами—вам слабо парить в высотах духа, погружаться в глубины характеров! Так вам ли судить о классике и моём отношении к ней? Желая благополучно отыскать вашего Гену и приятно провести остатки вечера в обществе ваших *прелестных* героев! Оставьте, а мне скучно—я пошёл!

АВТОР. Нет, минуточку! Да, я их разыщу, но позвольте, раз уж такой случай, сказать вам всё!

РЕЖИССЁР (*взглянув на часы*). Валяйте! Вы с вашими сентенциями меня просто развлекаете... Только короче.

АВТОР. Хорошо, короче! Вам не понять, что всякая жизнь, всякая душа, и Генина тоже,—бесценны, бессмертны, наконец!

РЕЖИССЁР. Что значит «бессмертны»? Я материалист!

АВТОР. А я говорю—бессмертны! Потому что каждый из нас носит в себе, как золотые пылинки, частицы душ других людей, что были с нами, и мы, даже не ведая этого, передаём эти пылинки от души к душе, в даль веков!

И пока человечество не иссякнет—оно будет нести золотые пылинки наших душ, сливать их в удивительные смеси и питать ими души потомков. Это и есть наше бессмертие, вопреки вашему материализму!

РЕЖИССЁР. Ну, батенька, я же говорил: вы форменный идеалист!

АВТОР. Да, идеалист, поскольку художник!

РЕЖИССЁР. А я кто, по-вашему? (*Пауза.*) Впрочем, мне скучно спорить. Хотя мне и нравится ваш пафос. В вас я узнаю себя, того... Ладно, давайте не ссориться—мы ещё пригодимся друг другу... Вы меня убедили: Гену надо разыскать. Хотите, я пойду с вами?

АВТОР. Хочу!

РЕЖИССЁР. Пойдёмте. Дайте руку, мой горячий друг!

Режиссёр берёт за руку Автора. Уходят. Снова на сцене вверху в виде большого телеэкрана—интерьер космического корабля. В нём—Алексей и Гена. Алексей—за пультом в кресле. Гена, обвешанный датчиками, крутит ногами педали велоэргометра. Связь с Сергеем—через микрофон.

ГЕНА (*тихо поёт, крутя педали*). «Покидая нашу Землю, обещали мы, что на Марсе будут яблони цвести...»

АЛЕКСЕЙ (*Сергею*). Ну что у тебя там, Сергей?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Не получается—не хватает мощности сварить стык! Держать надо—третьей руки не хватает.

АЛЕКСЕЙ. Не торопись! Подумай, что ещё для этого потребуется.

ГЕНА. Вот! Я же говорил—меня пошлите.

АЛЕКСЕЙ. Не мешай. Я тебя заставил заниматься делом—и занимайся.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Это ты мне?

АЛЕКСЕЙ. Нет, это я с Геной тут... Сергей, попробуй ещё раз—сейчас я тебе напряжение добавлю. (*Передвигает рычажок на пульте. Свет в космическом корабле тускнеет.*) Вот всё, что могу!

ГЕНА (*всматривается в датчики на теле, записывает показания в журнале*). Та-ак, давление—сто тридцать на восемьдесят. Пульс семьдесят шесть. Дыхалка—двадцать два. Норма... Да наука мне спасибо скажет: человек из народа такие показатели в космосе даёт! (*Слезает с велоэргометра и снимает с себя датчики.*) Лёша, приступаю кормить водоросли... Товарищ командир, ну выпусти, а? Серёгу жалко! Я же

сварщик по шестому разряду, любой металл варю!

АЛЕКСЕЙ. Ну что ты, Гена, как маленький—это же не на улицу погулять! Там на Солнце двести градусов, а в тени—минус двести с лишним. К этому долго надо готовиться.

ГЕНА. А я не готовился? Да я бензобаки на сорокаградусном морозе варил! А мои самогонные аппараты брал один инженер, так говорил: тебе бы их, Гена, на международную выставку! Патентовать, говорит, можно... И скафандр я надевал; Серёга меня инструктировал. Он настоящий друг: поверил в меня.

Пока Гена препирается с Алексеем, на сцену выходит Генерал, садится за пульт управления полётом, включает одну за другой кнопки.

ГЕНЕРАЛ. Приготовиться всем службам!

АЛЕКСЕЙ (Гене). Ну всё, Гена, хватит. Займись водорослями, а потом понаблюдай сверхновую Лебеда в инфракрасном излучении. Да не увлекись опять и не забудь записать в журнал. И молчи—у меня сейчас сеанс связи начнётся!

ГЕНА. Да не могу я на сверхновую смотреть, когда друг за бортом!

ГЕНЕРАЛ. Внимание! Корабль входит в зону прямой телесвязи! Приготовиться всем, начинаем сеанс! Станция, доложите обстановку! Что со второй солнечной батареей, выяснили?

АЛЕКСЕЙ. Товарищ генерал, согласно визуальному осмотру Сергея, метеоритный осколок разрушил шарнирное соединение батареи и разорвал токопровод. Сергей сейчас на месте. Нами принято решение стянуть и сварить стык наглухо. Но энергии для сварки не хватает.

ГЕНЕРАЛ. Через час температура в вашем рабочем отсеке начнёт падать; ситуация критическая.

АЛЕКСЕЙ. Знаем, товарищ генерал.

ГЕНЕРАЛ. Если к следующему сеансу связи не найдёте компромиссного решения, готовьтесь к эвакуации: сворачивайте программу согласно варианту номер два, консервируйте станцию и переходите в транспортный блок—будем спускаться.

АЛЕКСЕЙ. Да хотелось бы закончить как следует.

ГЕНЕРАЛ. Тогда думайте, думайте скорей. И мы будем думать.

ГЕНА (*бросаясь к микрофону*). Товарищ генерал, ефрейтор Пряхин готов выполнить свой долг, послужить Родине! Сварщик по шестому разряду, всё могу!

ГЕНЕРАЛ. Не понял: что такое?

АЛЕКСЕЙ. Извините, товарищ генерал, это Пряхин, наш третий, так сказать... член экипажа. (*Незаметно показывает Гене кулак.*)

ГЕНЕРАЛ. Как он, кстати?

АЛЕКСЕЙ. Адаптация к условиям невесомости хорошая. Физиологические функции после отравления алкоголем восстановились. Реакция—в норме. Обстановку воспринимает адекватно. Обучили тренингу, медицинскому самоконтролю.

ГЕНЕРАЛ. Ну а включили его в работу, как договаривались?

АЛЕКСЕЙ. Да, по основным программам помогает на уровне лаборанта. С поставленными задачами справляется, проявляет интерес к работе. Уход за мышцами, выращивание хлореллы—на нём. Вот просится в космос, помочь Сергею.

ГЕНЕРАЛ. Н-ну-у... Принимайте решение сами—вам там виднее. Положение у вас всё равно критическое, сами понимаете. Слышишь меня, ефрейтор Пряхин?

ГЕНА. Так точно, товарищ генерал! Прямо как будто вы рядом.

ГЕНЕРАЛ. Так, говоришь, готов выполнить долг?

ГЕНА. Я, товарищ генерал, как юный пионер—всегда готов!

ГЕНЕРАЛ. А ты, однако, с юмором! Если готов—убеди своего командира. Что ж он в тебя не верит?

ГЕНА (*Алексею*). Вон видишь, генерал верит в простого солдата.

ГЕНЕРАЛ. Время прямой связи истекает. В общем, срочно давайте ваши решения по солнечной батарее—или готовьте станцию к консервации. Всё у меня!

ГЕНА (*Алексею*). Ну, что я говорил? Генерал в меня верит! (*Сергею в микрофон.*) Серёга, держись, иду в космос!

Гена достаёт и начинает надевать оранжевый скафандр. Генерал в это время выключает кнопки на пульте и уходит.

АЛЕКСЕЙ. Сергей, ты слышал наш разговор с руководителем полёта?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Слышал.

АЛЕКСЕЙ. Как ты считаешь, Гена сможет тебе помочь?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Конечно! Мне тут как раз ещё одной пары рук не хватает! Как пользоваться скафандром, я ему показывал. И аварийные ситуации с ним проигрывали. Считаю,

необходимый минимум я ему дал. А дальше—его рабочая смекалка. Представляешь, какой будет уникальный эксперимент—Генин выход в космос? Только ради этого стоило лететь!

ГЕНА (*продолжая надевать скафандр*). Серёга—настоящий друг, не то что некоторые.

АЛЕКСЕЙ (*помогая экипироваться Гене*). Ладно, хватит запускать рака за камень!.. Только так, Гена: никакого самовольства, докладывать мне каждый свой шаг. Беспрекословно слушать наши с Сергеем команды...

Гена уже одет в скафандр; на голове у него защитный круглый шлем со стеклянным щитком впереди. Алексей жестами показывает ему, что делать дальше; Гена кивает ему; Алексей хлопает его по плечу.

АЛЕКСЕЙ. Ну, ни пуха ни пера!

ГЕНА (*через микрофон*). К чёрту!

АЛЕКСЕЙ. Меньше чертями кидайся; космонавты—народ суеверный.

ГЕНА. А-а, где наша не пропадала!

АЛЕКСЕЙ. Ладно, с Богом! (*В микрофон Сергею.*) Сергей, выпускаю Гену!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Жду!

Алексей пожимает Гене руку в перчатке, крутит задвижку в задней стене, открывает дверь, выпускает Гену, закрывает её и завинчивает задвижку, снова садится за пульт и работает кнопками; на пульте мигают цветные лампочки.

АЛЕКСЕЙ (*в микрофон*). Пошёл, Гена! Сергей, помоги ему выбраться!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Иду!

АЛЕКСЕЙ. Гена, камеру разгерметизировал?

ГОЛОС ГЕНЫ. Да. Выхожу... Серёга, привет в открытом космосе! Помнишь, как ты меня им пугал? Ха-ха-ха... (*Вдруг—удивлённо.*) Ё-моё! Ни фига!

АЛЕКСЕЙ. Что там такое?

ГОЛОС ГЕНЫ. Ой, балдё-ёж! Это где ж мы пролетаем, Серёга?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Париж только что пролетели, где-то слева сейчас Вена будет.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ни х... хрена себе! Вот бы Тамарка узнала, как я запросто над Парижем летаю!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да, Гена, впечатляет. Особенно в первый раз... Но—некогда любоваться, время идёт... Осторожней, шланги не запутай... Вот, держись за скобы—и за мной. Осторожно!

ГОЛОС ГЕНЫ. Вижу.

АЛЕКСЕЙ (*сидя за пультом*). Сергей, не торопи его, пусть немного адаптируется.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Хорошо! Слушай, Гена: «Небесный свод, горящий славой звездной, таинственно глядит из глубины, и мы плывём, пылающе бездной со всех сторон окружены». Как это тебе?

ГОЛОС ГЕНЫ. Здорово! Похоже! Ты, что ли, сочинил?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Нет, Тютчев.

ГОЛОС ГЕНЫ. Он что, тоже здесь был?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Не успел. Но где-то тут, поди, летает, ручкой машет... Та-ак, подгребай сюда... Вот этот стык. Видишь, разворочено? Вон ту хреновину надо сварить с этой вот фиговиной. Ты подтягивай, а я буду варить... Берись вот здесь.

ГОЛОС ГЕНЫ. (*с напряжением*). Та-ак... Держу. Подтягиваю!.. Силы не хватает.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Давай вместе.

Пауза. Слышно тяжёлое дыхание.

ГОЛОС ГЕНЫ. Погоди, т-твою мать, в крестителя и заместителя,—палец защемило!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Отпустил. Убери пальцы! Больно?

ГОЛОС ГЕНЫ. Нуда. Тоже, что ли, испытать хочешь?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ищи дурака... Только ты, Гена, не матерись, не засоряй космос—учти, каждое твоё слово на Земле слышат. И записывают для истории.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ну, ё-ё... Что ж ты сразу не сказал?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Не успел.

ГОЛОС ГЕНЫ. Тут бы ломик надо. Как у нас говорят, против лома нет приёма. (*Смеётся.*) Давай вари... Да кто ж так варит? Э-э, да у вас напруги не хватает!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Алексей, прибавь силу тока!

Алексей переключает рычажки на пульте. Свет в космическом корабле гаснет совсем, светится только пульт управления. Дальше слышны лишь голоса в темноте и видно слабое перемигивание цветных лампочек на пульте.

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Всё подал на вас! Оставил только на приборы!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Всё равно не хватает. Залипает.

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Больше нет. Пробуйте на этом.

ГОЛОС ГЕНЫ. Т-твою мать-то с пирогами, кто ж так варит? Дай сюда! Держи!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ну, держу. Ещё раз говорю: не матерись!

ГОЛОС ГЕНЫ. Извини. Мат, он, понимаешь, душу магнитит. Как песня всё равно.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Так ты лучше пой. Если ещё раз сматеришься—дам пинка. Знаешь, как полетишь? С космической скоростью.

ГОЛОС ГЕНЫ. Намёк понял. Ты держи давай!

Пауза.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Смотри-ка ты! И в самом деле...

ГОЛОС ГЕНЫ. А ты как думал? Когда всё есть—так и дурак сумеет, а ты без ничего сумеи! Поработал бы у нас в цеху, так тебя не то что в космос—на Альфа Центавра пускать можно.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Кончил? Можно отпускать? Руки затекли.

ГОЛОС ГЕНЫ. Погоди, вот здесь ещё маленько. Чтoб потом не говорили, что Гена Пряхин халтуру гонит... А кончают, Серёга, только в определённый момент... У тебя баба есть?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Есть.

ГОЛОС ГЕНЫ. Хорошая?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да не жалуюсь.

ГОЛОС ГЕНЫ. А у меня баба—во! Вот за что бы ей меня любить, да? Врежу иногда под этим делом—а любит! Щас приеду—она бутылочку мне на стол, закусончик!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Нет, Генка, не пошла моя наука впрок! Ты мне что обещал?

ГОЛОС ГЕНЫ. Насчёт бутылки-то? Да маленько, Серёга! Как без неё с бабой, а?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Насчёт «маленько» есть такой анекдот...

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Вам что там, в открытом космосе, кроме как о бабах и о выпивке, поговорить не о чем? Доложите обстановку!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Чуть-чуть осталось, Алексей. Как у нас тут, Гена?

ГОЛОС ГЕНЫ (*отдуваясь*). Всё-ё!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ура-а, Алексей,—узел сварен! Приступаем сращивать токопровод!

Пауза.

ГОЛОС ГЕНЫ. Э-эх, перекурить бы... Земля-то, Серёга, какая красивая! А как люди на ней паскудно живут...

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ну не все же так.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ты, может, и нет, а я—да. Паскудно я жил, Серёга...

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Всё, Алексей, отключай сварку! Пробуй подачу со второй батарее!

В кабине космического корабля вспыхивает яркий свет.

АЛЕКСЕЙ. Есть подача! Молодцы!

ГОЛОС СЕРГЕЯ (*с тревогой*). Гена, ты что? Жить надоело?

Пауза. Слышно тяжёлое дыхание.

АЛЕКСЕЙ. Что там случилось?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Гена сорвался! Оторвался от корабля на максимум страховочного троса! Я подтянул его... Ты что это, Гена?

ГОЛОС ГЕНЫ. Да не знаю. Захотелось. Руки бы вот так—и полететь.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Такими шутками, Гена, тут не шутят! Останешься навсегда спутником—школьники тебя потом, как Луну, в телескопы изучать будут. И не поймаем—горючка у нас на такие манёвры не рассчитана.

ГОЛОС ГЕНЫ. Извини, Серёга.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Что-то часто ты извиняться стал. Прямо как парикмахер.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ты ж меня научил! Скажи, Серёга, честно: а тебе не скучно так жить?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Как?

ГОЛОС ГЕНЫ. Н-ну... всегда по правилам?

АЛЕКСЕЙ. Сергей, вы закончили? Ваше время пребывания в открытом космосе истекает. Возвращайтесь! А то, я смотрю, вас уже на лирику потянуло!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да, возвращаемся, Алексей! Держись, Гена, крепче вот за эту скобу и—вот сюда... Понимаешь, Гена, какая штука? Тебе скучно жить по правилам, взял и полетел—а нас за это вздрючат! Взрослый человек, Гена, должен сам отвечать за всё на свете. Знаешь, с кого спросу не бывает? С детей, стариков и полоумных. Ты же не входишь в их число?... А теперь—вот сюда...

Пауза. Над дверью загорается лампочка. За дверью в переходной камере загорается свет. Алексей крутит задвижку на двери, открывает её и впускает Гену и Сергея в скафандрах. Закрывает дверь, помогает им снять скафандры.

АЛЕКСЕЙ (*помогая Гене*). Сергей, вы такое дело сделали! Как командир корабля объявляю вам благодарность!

СЕРГЕЙ. Гену вон благодари—он у нас сегодня герой.

ГЕНА. Да ну, чё там... Раз надо—я всегда.

СЕРГЕЙ. Скрамник ты у нас!

АЛЕКСЕЙ. Ладно, на Земле будем разборками заниматься. Хорошо, что электроэнергия есть,— можно будет нормально закрутиться. Начинем, Сергей, консервировать станцию. Возвратные установки снимаем, пакуем — и в грузовой отсек. Гена, будешь помогать Сергею.

ГЕНА. Как скажете.

АЛЕКСЕЙ. Давайте! *(Снова садится за пульт управления.)*

Сергей начинает паковать: снимает некоторые приборы, заворачивает в полиэтилен, складывает в картонные ящики. Гена помогает ему. В это время на сцену выходят Автор и Режиссёр. В руках у них — котомки и посохи. На груди и спине у Автора — транспаранты из картона с надписями: «Ищу героя!»

РЕЖИССЁР. . . И вот, представьте себе, я эту женщину раздеваю и беру! И она отдаётся мне со страстью. Огонь! Восторг! . . . Я думаю, вам как автору эта история будет интересна. Но это надо пережить самому. . . А давайте-ка отдохнём?

АВТОР. Давайте.

Подходят к креслам. Автор снимает с себя транспаранты и ставит на пол, прислонив к креслу. Оба садятся.

РЕЖИССЁР. А у меня тут кое-что есть. *(Достает из котомки стопку и фляжку и трясёт ею.)* Коньячок-с. Примете?

АВТОР. Можно немного.

РЕЖИССЁР. А много я и не дам. *(Смеётся. Отвинчивает колпачок фляжки, наливает стопку и подаёт Автору.)* Только так, чтобы зрители не видели, а то подумают новость что. . . Вот бутерброды с икоркой. Берите!

АВТОР. Спасибо. Ваше здоровье! *(Выпивает и, вернув стопку, берёт бутерброд.)*

РЕЖИССЁР *(потрясая своим бутербродом)*. А я люблю с икоркой. С красной. Каждая икринка, знаете, как маленькое солнышко, светится. А мы его — ам! — и каким-то чудодейственным образом энергия икринки превращается в нас в энергию любви, творчества, в жажду прекрасного. Это да, это жизнь! Такая жизнь, я согласен, священна — только она имеет право быть целью искусства! *(Снова наливает стопку и подаёт её Автору.)* Пожалуйста!

АВТОР. Благодарю. *(Выпивает и возвращает стопку Режиссёру.)*

РЕЖИССЁР *(наливает её и держит в руках)*. Да, так вот: а другой пришёл и нас с вами — ам! И наше с вами искусство — ам! И вы хотите меня убедить, что жизнь этого человека тоже

священна? Нет, мой друг, сколько ни убеждайте, а я не пойму: как может быть священной душа, которая воняет, потому что она — из дерьма?.. Но я поднимаю сей фиал за здоровье прекрасной и свободной дамы — Мельпомены, которой мы оба имеем честь служить! *(Поднимает стопку.)*

В это время на сцене появляется Тень Ответственного Лица, прислушиваясь к разговору и явно сердясь. Режиссёр, увидев её, опускает стопку.

РЕЖИССЁР *(Автору — испуганно)*. Видите?

АВТОР *(смеясь)*. Да вижу. По-моему, она влюбилась в вас и ревнует к Мельпомене. . . А давайте-ка прогоним её?

РЕЖИССЁР. Хм. Вам-то легко: написал — и в стол. А я — лицо официальное.

АВТОР. Да плюньте на это! Во имя Мельпомены — будем рыцарями на час! Смелей!

РЕЖИССЁР. Чёрт возьми. . . А ведь и правда!

Режиссёр ставит стопку на пол, кладёт на неё бутерброд, затем они вместе с Автором встают, берут посохи и, взмахивая ими и крича: «Кыш! Кыш!» — направляются к Тени. Тень мечется между ними. Автор и Режиссёр лупят её палками, изгоняют со сцены и, отдуваясь, возвращаются в кресла. Режиссёр поднимает свой бутерброд и стопку и с наслаждением пьёт глоточками. В это время Автор взглядывает вверх и видит вверху космический корабль, а в нём космонавтов и среди них — Гену Пряхина.

РЕЖИССЁР *(не видя корабля)*. Ну наконец-то прогнали! А ведь в самом деле легче стало дышать! Как трудно, знаете, избавляться от страхов. . . Так на чём мы остановились?.. Ах да, законы сцены требуют: в финале ружьё должно выстрелить — иначе зачем огород городить? А у нас ни то ни сё: мы не только действие, а даже главного героя потеряли!

АВТОР. А я уже знаю, где он! *(Хохочет.)*

РЕЖИССЁР. Ну и где?

АВТОР *(хохоча)*. Как я и думал, он и правда непредсказуем: он улетел. . .

РЕЖИССЁР. Как? Куда улетел?

АВТОР. Он улетел. . . в космос!

РЕЖИССЁР. Ну, знаете!.. Я понимаю: авторская фантазия и всё такое, — но всему же есть предел! Скажите: вы знаете, как показать на сцене космос, космический корабль? Ни вы не знаете, ни я. . . Это же расходы; в смету не влезем.

АВТОР. Скажите: а чтобы «Змея Горыныча» поставить, вам надо знать его в лицо?

РЕЖИССЁР. Оставьте свои глупые шутки: Змея Горыныча знает каждый!

АВТОР. Никаких шуток: вон он, наш Гена! *(Пока зывает на космический корабль.)*

РЕЖИССЁР *(встаёт, проходит к рампе, оборачивается спиной к зрителям, чтобы лучше разглядеть космический корабль, смотрит вверх, качает головой, бормочет про себя)*. «Корабль у берегов. Подул попутный ветер; команда ждёт не дожждётся в Англию отплыть...» Хм-м, смело... *(Снова садится в кресло, поглядывая вверх.)* Мда-а... А что, в самом деле? Можно воспользоваться и таким поворотом! Надо подумать...

А между тем внутри космического корабля Алексей работает за пультом, Сергей продолжает наковать веши; Гена отвлёкся: смотрит в окуляр телескопа.

АЛЕКСЕЙ. Гена, ты куда смотришь?

ГЕНА. На Землю.

АЛЕКСЕЙ. Кончай—дома ею налюбуйешься. Помогай Сергею!

ГЕНА. Пожалуйста, последний разик! Сколько ни гляжу на неё сверху—не могу наглядеться. А приедешь домой, посмотришь—тоска ж зелёная! Ну почему мы такие, в натуре,—ни черта беречь не умеем?

АЛЕКСЕЙ. Ты об этом потом земляков спроси.

СЕРГЕЙ. Слушай, Лёш, а давай, когда вернёмся, подадим на Гену рапорт: за сварку в открытом космосе в экстремальных условиях ему, по-моему, орден полагается? Решительность проявил, рабочую сметку...

АЛЕКСЕЙ. У меня тоже такая мысль.

ГЕНА. Да вы что, ребята?! Я же не о наградах думал! Неудобно как-то.

СЕРГЕЙ. Удобно. Я даже думаю: попробуем добиться, чтобы тебя оставили работать на космодроме. Жену бы перевёз. Как её у тебя? Маша? Или Нюра?

ГЕНА. Тамарка.

СЕРГЕЙ. Тамара, значит... Ты—не против?

ГЕНА *(отрывая взгляд от окуляра)*. Я-то? Нет. Где-то же надо приткаться—там меня, поди, уже потеряли.

АЛЕКСЕЙ. Работать на космодроме, Гена,—большая честь. Люди проверку проходят.

ГЕНА. Да мне только с Томкой посоветоваться—она у меня главное начальство.

СЕРГЕЙ. А ты что, не мужик?

ГЕНА *(снова глядит в окуляр)*. Мужик-то мужик... *(Кричит изо всех сил.)* О, вижу, вижу! Это же Толян с Петькой балдые идут, кренделя выпысывают! Точно—Толянова кепка! Во гаврики, ни х... *(с опаской оглядывается на Сергея)* ничего не понимают! Все люди как люди, а эти... Ну, я им покажу козью морду!.. Интересно, что там Томка делает?.. А-а, вон, вон, ей-богу она, ребята! Да не одна, кажись. Ё-моё! Неужели фраер приклеился, а? Ну-ка, ну-ка, резкость поярче... А-а, да это же она опять сумку тяжёлую тащит, а мне сверху—будто фраер за руку держит! Вот это техника, а? Всё видать! Ну-ка, ещё разик глянуть... Э-эх, пролетели! *(Отрывает глаз от окуляра.)* Не-е, ребята, Томка у меня с кем попоало не пойдёт... Ох и домой охота! *(Вздыхает.)* А человек-то, ребята, как посмотришь—вот как мурашник по земле ползёт; даже жалко его.

СЕРГЕЙ. Но мыслящий, Гена, мурашник. Мыслящий, отважный и мечтательный. Мурашник, который дерзнул стать Титаном, а Титану, Гена, негоже водку глотать. Ты вот зачем пьёшь?

ГЕНА. Да дружбаны всё...

СЕРГЕЙ. Вот мы теперь—дружбаны по космосу, но я же с тобой не пью!

ГЕНА. Ох, Серёга, не выворачивай душу, а? Я же в детстве страсть как любил на звёзды смотреть. В лётчики собирался. Пьянка всё. Чуть-чуть до аттестата зрелости не дотянул: собрались с дружками, выпили, потом вынули ножики—и полосоваться. И вместо аттестата мне, значит, этап вышел. Вот такие, брат, кренделя.

СЕРГЕЙ. Да-а, история. Не пей ты её больше.

ГЕНА. Томка моя то же самое тарыхтит.

СЕРГЕЙ. Вот и послушал бы.

ГЕНА. Но она же—баба! Что я—совсем? *(Крутит пальцем у виска.)*

СЕРГЕЙ. Ты в науку веришь?

ГЕНА. Теперь—верю.

СЕРГЕЙ. Так вот, брат, наукой доказано: женщина кое в чём даже поумнее мужчины... В общем, Гена, тебе теперь не отвертеться от космоса.

ГЕНА. А мне за это ничё не будет—ну, что, в общем, без спроса к вам?

СЕРГЕЙ. Думаю, обойдётся. Мы расскажем про твои заслуги.

ГЕНА. Спасибо, мужики! Никогда не встречал таких, как вы! Э-эх, если бы раньше-то!.. Вот гад буду, душу готов... Не забуду! Говорите: что консервировать?..

Во время последнего диалога свет в космическом корабле медленно гаснет; одновременно последние слова Гены звучат всё тише, причём и слова его, и свет в космическом корабле гаснут до полной темноты.

РЕЖИССЁР. Ну что ж, посмотрим, как дальше пойдёт, а пока неплохо, неплохо. Ей-богу, неплохо! Надо только ещё...

Дальше Режиссёр продолжает объяснять что-то Автору с мимикой и жестами. Автор кивает. В это время свет на сцене гаснет до полной темноты. В темноте слышны рёв вертолётов, вой сирен и голоса радиопереговоров, перебивающие один другой: «Внимание: с северо-востока движется фронт холодного воздуха, скорость ветра—девять метров в секунду»... «Первый слушает, первый слушает!»... «Первый, первый, займите квадрат шестидесят восемь—тринадцать!»... «Есть шестьдесят восемь—тринадцать!»... «Как видимость? Как видимость?»... «Миша, Миша, не в службу, а в дружбу: захвати пять пачек сигарет! Хорошо?»... «Бу сделано!»... Все эти звуки перекрывает густой захлёбывающийся голос радиорепортёра: «Через несколько минут спускаемый аппарат коснётся поверхности Земли, и наши посланцы в космос снова шагнут по ней! Сквозь редкие облака уже виден серебристый шар спускаемого аппарата, а над ним—гигантский оранжевый купол парашюта. Незабываемое зрелище! В зоне приземления зелёными стрекозами зависли вертолёты, по земле к предполагаемому месту посадки спешат машины... Вот аппарат скользит в голубом воздухе! Тысяча метров... Ярко-оранжевый купол быстро увеличивается в размерах и неудержимо движется вниз! Его сносит ветром... Пятьсот метров. Десятки глаз напряжённо впились в него... На лицах людей, встречающих наших дорогих посланцев в космос,—радость и одновременно волнение от предстоящей встречи. Сердца их бьются в такт! Сто метров! Как-то там чувствуют себя наши герои? Легко представить себе их волнение от предстоящей встречи с Землёй. Держитесь, товарищи, мы с вами!.. Пятьдесят... Вспышка тормозной системы... Есть касание!»

На сцене вспыхивает свет. В глубине сцены—большой серебристый шар. К нему с разных сторон бегут Генерал, Автор, Режиссёр, милиционер, два санитары с носилками, Посторонний с огромным букетом цветов. В шаре открывается люк. Санитары под окрики Генерала: «Осторожней! Осторожней!»—вытаскивают Алексея вместе с креслом, переносят ближе к рампе, ставят кресло на пол. То же проделывают и с Сергеем. Все столпились вокруг космонавтов. Генерал со словами: «От имени Родины поздравляю вас с выполненным заданием!»—целует и обнимает обоих. Вокруг взволнованная суeta, возгласы: «Поздравляем!.. С успешным завершением полёта!.. С возвращением вас!..» Посторонний вручает Алексею и Сергею цветы. Космонавты, полулёжа в креслах, уже без илемов, улыбаются всем и машут руками. В это время, никем не замеченный, из шара вылезает Гена; он в своём

старом костюме рабочего: телогрейка, сапоги и кепка с пуговкой. Грустно смотрит он на встречу космонавтов. Поворачивается и незаметно уходит со сцены.

СЕРГЕЙ. Пойдите, а Гена-то где?

АВТОР. Гена? А в самом деле, Гена где?.. Гена, где ты? (Прислушивается.) Тебе никто не хочет плохого!.. Кто видел, куда он делся?

Милиционер и санитары пожимают плечами.

АВТОР (разочарованно). Убежал.

МИЛИЦИОНЕР. Чего это он?

АВТОР. А то вы не знаете! Это—вечный страх нашего человека: вдруг да в чём-то виноват? (Машет рукой.) Ладно, пускай. Может, даже к лучшему, что ушёл.

Все уходят; шар катят за кулисы. На сцене появляется Гена. Он бредёт, тихо напевая про себя: «Звёзды встретятся с Землёй расцветающей, и на Марсе будут яблони цвести...» Останавливается, срывает несколько ромашек, нюхает их.

ГЕНА. Ох, как пахнут—пылью, солнышком! (Широко распахивает руки.) Э-ге-гей, Земля-а! Гена Пряхин вернулся!.. (С грустью.) Нет, не могу. Почему так плакать охота? Причём, интересно,—трезвому! Я ли это? (Бодро встряхивается.) Нет, Гена, мы ещё поживём, пободаемся, ещё потопчем Землю!

Входит Тамара. В руках у неё—по тяжёлой сумке.

ТАМАРА (роняет сумку). Гена! Вернулся?

ГЕНА. Тома!

Крепко обнимаются. Тамара берёт его на руки, целует и тетёшкает, как младенца.

ТАМАРА. Родненький ты мой!

ГЕНА. Ну отпусти, Том,—неловко.

ТАМАРА. Нет, Геночка, ещё немножко.

ГЕНА. Вот, цветочки тебе несусь. (Подает ей цветы.) Вспоминал тебя часто.

ТАМАРА. Ой, спасибочки! Где ж ты, родненький, пропадал-то? Ты прости меня, дуру.

ГЕНА. Ничего, ничего. Как дома-то? Ребятишки как?

ТАМАРА. Всё, Гена, нормально. Ждут тебя, спрашивают: где это наш папка?

ГЕНА. Ну-ну. Сама-то как? Не приставал никто? Держала себя?

ТАМАРА. Конечно, Геночка! Только Толян приходил один раз.

ГЕНА (настораживаясь). И что?

ТАМАРА. Посидел, про тебя спрашивал.

ГЕНА. Ишь, «посидел»! Как же ты позволила? Не приставал?

ТАМАРА. Ну что ты, Ген! Кому я нужна?

ГЕНА. Смотри мне! Это я так, для надёжности... Чего уж ты у меня—так никому и не нужна? Ты мне нужна.

ТАМАРА. Один ты у меня, родненький. Пошли домой, Геночка. Господи, как я соскучилась по тебе!

ГЕНА. Ну отпусти, Том,—неудобно.

ТАМАРА. Да чего уж—своё ведь, не чужое. Своё плеч не тянет.

ГЕНА (*строго*). Отпусти—я ведь мужик!

ТАМАРА (*удивлённо-весело*). Точно—мужи-ик! (*Отпускает его*.)

Тамара и Гена берут в руки по сумке.

ГЕНА. Теперь я, Тома, в рот—ни капли.

ТАМАРА (*подозрительно*). Странно как. А где ж ты всё-таки был?

ГЕНА. Ой, Том, не спрашивай.

ТАМАРА. А всё ж таки?

ГЕНА. Тебе, Том, по секрету говорю: в космосе я был. Слыхала, корабль запускали?

ТАМАРА (*роняет сумку*). Как—в космосе?

ГЕНА. Честное слово, Том.

ТАМАРА. Ах вот ты как? В каком таком космосе? Лагерь, что ли, какой? (*Вдруг хватает его за воротник и трясёт*.) У какой бабы был, говори?!

ГЕНА (*пытается вырваться*). Да поверь—честное слово!

ТАМАРА (*продолжает его трясти*). Говори, где был? А я-то уши развесила! У Агафонихи отсиживался? Ещё спрашивает: не приставали ли? Эх ты-ы!

ГЕНА (*отталкивает её*). Ну дура! С тобой нельзя по-культурному. Ещё цветы дарил.

ТАМАРА. Ага, в соседней канаве нарвал, да? (*Отшвыривает цветы*.)

ГЕНА. Где тебе понять, что мужик может не только водку пить и у Агафонихи отсиживаться? (*Отряхивается, поправляет одежду*.) Руку поднимать на тебя больше не могу, чтобы вразумить, а иначе ты не понимаешь. Чувствую, не жить нам с тобой. Прощай. (*Поворачивается и уходит*.)

ТАМАРА (*бросается на колени*). Геночка! Не уходи, детей родных пожалей! Прости меня, дуру! Ну, ударь, только не уходи! (*Падает и рыдает*.)

ГЕНА (*останавливается*). Встань, не унижайся. (*Подходит к лежащей Тамаре, поднимает её*.) Не могу! (*Трёт глаза*.)

ТАМАРА (*робко обнимает его*). Чего, Гена? Чего не можешь?

ГЕНА (*тоже обнимает её*). Не могу видеть, как ты вся на нерве. Душа разрывается.

ТАМАРА. Чтой-то с тобой, Геночка? Ты какой-то другой стал—странный!

ГЕНА. Я такое видал, Тома! Я звёзды вот так видел, Землю всю как на ладони.

ТАМАРА. Алконавт ты мой миленький. (*Гладит его по голове*.)

ГЕНА. Не веришь?

ТАМАРА. Я, Ген, поверю, правда, только дай срок. Пошли домой, а?

Гена и Тамара подхватывают по сумке, медленно идут в обнимку.

ГЕНА. А мне на космодроме остаться предлагали. Ты, говорят, Гена, способный. Поедем, а?

ТАМАРА. Ты успокойся, не думай об этом.

ГЕНА. Только ты, Том,—никому пока! Я тебе одной, по секрету.

ТАМАРА. Само собой, Ген... (*Неожиданно бросает сумку и начинает рыдать*.)

ГЕНА. Ты что, Том? Что с тобой?

ТАМАРА (*сквозь рыдания*). Что они с тобой сделали? Я не могу! Не могу!

ГЕНА (*растерянно, опуская сумку*). Ничего, Том, ничего—привыкнешь. (*Обнимает её*.) Успокойся.

ТАМАРА (*постепенно успокаиваясь*). А я всё думала-гадала: придёт—не придёт, придёт—не придёт.

ГЕНА. Переживала?

ТАМАРА. Спрашиваешь!

ГЕНА. Ну, пойдём, Томочка, пойдём домой.

Подхватывают сумки, берутся за руки и уходят. Появляются Пётр и Толян.

ПЁТР (*продолжая начатый за сценой разговор*)...А вот неохота, настроения нету.

ТОЛЯН. Появится. Я бы уж сбегал. Жалко, Генки Пряхина нет—умеет его поднять: как-то это у него сразу, слово за слово.

ПЁТР. А слышал? Вернулся Генка.

ТОЛЯН. Да ну? А что-то не видеть.

ПЁТР. Залечили мужика: говорит, будто в космосе был.

ТОЛЯН. Да ясно: закодировался.

ПЁТР. А фиг его знает.

ТОЛЯН. Точно, залечили! Ну, мы его поправим. Как говорится, что не лечится водкой—не лечится уже ничем. А кто про космос-то говорил?

ПЁТР. Тамарка евонная болтает: «Мой,—говорит,—алконавт вернулся. В космосе,—говорит,—летал». Может, правду скрыть хочет?

ТОЛЯН (*мечтательно*). А Тамарка, скажи, бабеч, а?

ПЁТР. Ты-то откуда знаешь?

ТОЛЯН. Да уж знаю. Расскажу, когда настроение будет.

ПЁТР. Балаболка ты, вот что... (*Смотрит за кулисы. Далее продолжает дурашливо, растопырив руки.*) А кто это к нам идёт, лёгок на помине?!

ТОЛЯН (*смотрит туда же*). Да это же наш алконавт Гена подлётывает!

Входит Гена, подаёт руку Петру, потом Толяну. Те хлопают его по плечам.

ГЕНА. Привет.

ПЁТР. Здравóво, коль не шутишь.

ТОЛЯН. Всесторонне приветствую!.. Чего это ты такой официальный стал?

ПЁТР. Так он у нас в космосе побывал. Как там, в космосе? Подают?

ГЕНА. А ты откуда знаешь, где я был?

ПЁТР. Местное радио доложило. Сарафанное.

ГЕНА. От дура! Ну как её не перевоспитывать?

ПЁТР. Да плюнь ты на них. Выпить хошь?

ГЕНА. Завязал, ребята. Всё.

ПЁТР. Где был-то? Космос, как я понимаю, отмазка для жены? То говорят, будто тебя менты скрутили, другие—что в психушку загремел. Чё, ампулу вшили?

ГЕНА. Не-а, ребята, я правда в космосе был.

ТОЛЯН. Ни фига навороты! Это чё, получается, каждый из нас может туда полететь?

ПЁТР. Но нам-то, Гена, зачем заливать про космос?

ГЕНА. Да думайте что хотите, только уж так получилось. Государственных секретов, конечно,

не выдаю—но что ж я молчать-то буду?.. А как у вас тут дела?

ПЁТР. Как в Польше: у кого мощна толще, тот и пан. Николай Иваныч свою ремонтную фирму открыл. Хотели к нему—не берёт, брезгует.

ГЕНА. А не знаете, меня в цеху не уволили?

ПЁТР. Они нам не докладывают. Сходи сам да узнай.

ГЕНА. Вот и иду.

ТОЛЯН. Может, вмажешь с нами? Для храбрости?

ГЕНА. А я и не боюсь. Как всё равно снова родился.

ТОЛЯН. Но, может, просто для разговора?

ГЕНА. Да я и так поговорю. Вспомню, как квасили,—тоска, мужики. (*После неловкой паузы.*) Ну, пошёл я. Пока. (*Небрежно взмахивает рукой и уходит.*)

ТОЛЯН. Во, бляха, жись пошла—скоро и выпить не с кем будет!

ПЁТР. Да, странный какой-то.

ТОЛЯН. Я ж говорю: во! (*Крутит пальцем у виска.*) Испортили мужика.

ПЁТР. Нет, Толян, тут что-то не то...

ТОЛЯН. А что? Что?

ПЁТР. Непонятно пока... Но Генка всё же—человек.

ТОЛЯН. А мы кто, хламидомонады, что ли?

ПЁТР. Вот именно—хламидомонады.

ТОЛЯН. Не-а, Петь, кроме шуток... Давай вмажем на двоих—чего нам головы ломать? Мы же в космосе не были.

ПЁТР. Да пошёл ты с этой пьянкой, хламидомонада!

ТОЛЯН. Сам ты туда пошёл! Тоже умный стал, да?

ПЁТР. Помолчи.

ТОЛЯН. А чего мне молчать? Что я, недоразвитый?

ПЁТР. Ладно, говори, но только чтобы я не слышал. Что ты многого сказать можешь?

ТОЛЯН. Зря ты так, Петь. Обижусь и уйду.

ПЁТР. Вот и обидься. Обидься и уйди с глаз долой.

ТОЛЯН. И уйду! Подумаешь!.. (*Поворачивается и уходит.*)

Пётр уходит в другую сторону.

ТОЛЯН (*остановившись, кричит вслед Петру*). Все тверёзые, все психические стали, все чего-то думают! Тьфу! Сколько я с вами водки

выжрал, сколько бегал за ней—и я же плохой? Я-то найду себе компанию—вот вы, трезвые, найдите! (*Уходит.*)

Появляется Николай Иванович. Его догоняет Гена.

ГЕНА. Здравствуйте, Николай Иванович.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А-а, Пряхин! Здорово, коль не шутишь.

ГЕНА. Я шучу через раз. На этот раз—всерьёз.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, дай наглядеться, пока ты серьёзный. Чего тебе?

ГЕНА. Говорят, вы ремонтную фирму открыли?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Есть такое дело.

ГЕНА. Может, примете? Я же—знаете—по шестому разряду работаю.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Знаю только, что ты пьёшь и дерзишь много.

ГЕНА. Пить я завязал. В прошлом раскаялся.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да каяться вы мастера... Откуда, интересно, ты такой хороший? Прямо узнать не могу. Люди болтают, будто в космос летал?

ГЕНА. Было дело.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (*протягивает руку*). А документ?

ГЕНА. А там без документов. Просто с местом повезло—люди хорошие попались. Звали работать, но мне не хотелось вас подводить.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Болтун ты, Пряхин. Всё у тебя, смотрю, по-прежнему.

ГЕНА. Ну, считайте, что я пошутил с космосом.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Вот-вот. То ты всерьёз, то пошутил.

ГЕНА. Правда, что работать буду честно. Только работа и семья—так жить думаю.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Уже за то, что так думаешь, тебе—два с плюсом.

ГЕНА. Издеваетесь?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А ты надо мной сколько издевался?

ГЕНА. Я-то место найду—просто хотелось возле дома. Ещё думал лекции коллективу почитать. Скажем: «Сверхновые звёзды и чёрные дыры»,—или: «Человек как созидающий фактор в космосе». Как я могу при этом плохо себя вести?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (*недоверчиво*). А ты откуда про это знаешь?

ГЕНА. Умные люди заинтересовали. Тайны науки доверили.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А зачем мне про эти дыры в космосе, когда тут, на Земле, дыр полно?... Ну вот как с тобой работать? Только и норовите зубы заговорить, да выпить, да урвать побольше!

ГЕНА. Не надо, Николай Иванович, пургу гнать—сами хороши! Нам-то на заводе видно было, где кто всерьёз работал, а где замазку лепили! Мы-то ведь тоже не чурки—нас бояться не надо, не такие мы и страшные.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, ты, Пряхин, прямо философом стал!

ГЕНА. Просто на умных людей нарвался. Мог бы и ещё кой-чего рассказать.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Расскажи. Умные слова люблю слушать.

ГЕНА. В другой раз. Эффекта не будет, если всё сразу.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ишь ты! Ну ты точно философом стал! А у начальства знаешь какое правило? Умных—гнать в шею: только народ разлагают.

ГЕНА. Думаете, я один такой? Умных у нас—через одного, просто помалкивают. А гнать—ума не надо. Только с кем работать-то будете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А тебе какая забота?

ГЕНА. Х-хэ, «какая забота»! Да изменился я, Николай Иванович! Или не заметно?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (*вздыхает*). Заметно.

ГЕНА. Так берёте или нет?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Думаю, Пряхин, думаю... Пожалуй, дешевле для себя—не связываться с тобой: чую, крови ты мне ещё попортишь.

ГЕНА. А чего там портить—там и так уже всё испорчено. Ну, спасибо и на этом, дай вам Бог ещё сто лет такой жизни.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Угрожаешь, что ли?

ГЕНА. Да нет. Просто я знаете что подумал?... Помните, как Козловский арию пел? «Вся жизнь—борьба. Сегодня ты—а завтра я».

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Намёк понял. В общем, давай так: чтобы я тебя, в самом деле, больше не видел.

ГЕНА. Да пошёл ты!..

Оба уходят со сцены в разные стороны. С разных сторон выходят Гена с Тamarой и посередине сцены встречаются.

ГЕНА. Том, зачем же ты про меня разболтала всем?

ТАМАРА. Да я только Светке.

ГЕНА. Ой дура! Теперь все знают.

ТАМАРА. И пусть знают! Это же правда, Ген?

ГЕНА. Умница ты—поверила... А меня, Том, уволили. Завод развалили. А Николай Иванович даже доволен, что развалили,—свою ремонтную фирму затеял. Только меня не берёт.

ТАМАРА. А что ж мы, Гена, делать-то будем? На мою зарплату нам не прожить.

ГЕНА. Не бойсь, проживём—на мой горб работы хватит! Я ж тебе говорил: меня на космодром работать звали. Поедем, а?

ТАМАРА (*со слезами в голосе, обнимая его*). Геночка, ты опять за своё? Забудь ты про это! Знаешь, как люди говорят? Где родился, там и пригодился.

ГЕНА. Ничего, Том—как говорится, и за горами люди живут.

ТАМАРА. А другие говорят: за горами теплее, а у нас веселее.

ГЕНА. Ага. А ещё говорят: тот ещё не родился, кто бабу переспорит. А меня правда, Том, на космодром звали. Только у меня мысль есть—просто не хотел тебе сразу...

ТАМАРА (*настороженно*). Ген, какая ещё мысль?

ГЕНА. Я, Том, свою ремонтную фирму открою. Даже название придумал: «Рассвет трезвой жизни». Как тебе, а?.. Да слабо Николаю Ивановичу ремонтом заняться: они же, Тома, работать не умеют—только погонять! А я всё умею! Ещё и Петьку с Толяном позову—у них тоже руки есть.

ТАМАРА. Опять своих алкашей? Не надо, Ген, Петьку с Толяном!

ГЕНА. Нет, Том, я их теперь—вот так!.. (*Сжимает кулак*.) Вот увидишь: они у меня тоже людьми станут!..

ТАМАРА (*глядя его волосы*). Смотри, Ген, тебе видней. Какой ты у меня умный!

ГЕНА. Только—знаешь что, Том? Когда деньги будут, я большой телескоп куплю; будем вместе на звёзды смотреть, и я тебе буду рассказывать про космос: какой он красивый, Тома! И Петьку с Толяном заставлю смотреть!

ТАМАРА. Ой, Геночка, как здорово! Только ты, Ген, водку с ними не пей, ладно?

ГЕНА. Я же сказал—не буду, у меня теперь слово твёрдое!.. И пацанов наших научим смотреть—глядишь, людьми вырастут.

ТАМАРА (*страстно обнимая его*). Ой, Ген, ты просто не знаешь, какой ты у меня молодец!.. А правда, Ген, говорят, будто там инопланетяне летают?

ГЕНА. Я не видал.

ТАМАРА. А Петька—помнишь?—говорил: когда шёл с поминок—так прямо перед ним инопланетяне сели.

ГЕНА. Знаешь, когда я выпью пол-литра—так ещё не то вижу... А давай, Том, прямо сейчас смотреть, и я тебе буду рассказывать, а? (*Поднимает глаза вверх*.)

ТАМАРА (*продолжая страстно обнимать его*). Потом, Геночка, потом посмотрим. Знал бы ты, как я тебя люблю! Я так соскучилась по тебе!

ГЕНА (*увлекаемый ею, наконец обращает взгляд на неё, сам обнимает её и улыбается*). Знаешь, чего хочу?

ТАМАРА. Чего, Ген?

ГЕНА. Ребятишек с тобой делать. Много ребятишек! Помнишь, как?..

Вспоминая что-то приятное, оба улыбаются, толкают друг друга и хохочут.

ТАМАРА (*посерьёзнев*). Ген, а я боюсь. Как жить-то будем?

ГЕНА. Не бойсь, проживём! На мой век работы хватит, а об остальном—не твоя забота... Понимаешь, Том, как вспомню, какие там звёзды... А Земля такая большая, такая красивая—просто обалдеть!

ТАМАРА. Ну и что, что большая, Ген?

ГЕНА. А то, что на ней жись надо устраивать, Том, детей растить, а мы... Я хочу, Том! Пошли, а?

ТАМАРА. Пойдём, родненький мой.

Крепко обнявшись и целуясь на ходу, они уходят. Выходят Автор и Режиссёр.

АВТОР. Как вы думаете, получилось у нас?

РЕЖИССЁР (*показывая на зрителей*). У них надо спрашивать. (*Пристально всматривается за кулисы и призывно машет рукой*.) Гена! Можно тебя на минутку?

Выходит Гена. Он—в спортивном трико, в майке и тапочках на босу ногу.

ГЕНА (*недовольным тоном*). Ну чего? Некогда мне—я это... С супругой я...

РЕЖИССЁР. Разрешите только поблагодарить вас! (*Пожимает Гене руку*.) И поздравляю вас с серьёзной совместной работой. Театр нашёл в вашем лице любопытного героя!

ГЕНА (*увидев стоящего в стороне Автора и показывая на него*). Он-то тоже виновник. По-честному надо. (*Пожимает руку Автору.*)

РЕЖИССЁР (*с иронией*). Ну как же! Разумеется, режиссёру в театре делать нечего!

В это время из-за кулис выходит Тамара в лёгком разлетающемся халатике и тапочках на босу ногу, берёт Гену под руку и тащит за кулисы.

ТАМАРА (*Гене, нетерпеливо*). Да ну их, Ген, в пимдырявый—пойдём скорей!

ГЕНА (*Режиссёру и Автору*). Ладно, заканчивайте тут сами—извините, меня ждут.

Увлекаемый Тамарой, Гена разводит руками, и они с Тамарой исчезают за кулисами.

РЕЖИССЁР. А чего тут ещё тянуть? Финита ля комедия!

АВТОР. Конец!